PG 3051
.T64

1805

LIBRARY OF CONGRESS
00004090019

THE LIBRARY OF CONGRESS

РУСКАЯ ПОЭЗІЯ

ВЪ

ПОЛЬЗУ ЮНОШЕСТВА, ОБУЧАЮЩАГОСЯ ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ КОЛЛЕГІУМѢ,

СОЧИНЕННАЯ

УЧИТЕЛЕМЪ ПОЭЗІИ,

ЯКОВОМЪ ТОЛМАЧОВЫМЪ.

МОСКВА.
ВЪ Типографіи С. Селивановскаго,
1805.

PG3051
.T64
1805

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для округа Императорскаго Московскаго Университета.

104837
'07

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ

ХРИСТОФОРУ СУЛИМЪ,

ЕПИСКОПУ

СЛОБОДСКОМУ-УКРАИНСКОМУ

и

ХАРЬКОВСКОМУ,

Ордена Св. Анны первой степени

КАВАЛЕРУ,

Любителю и покровителю

Наукъ,

Милостивѣйшему Отцу

и

Архипастырю

Съ глубочайшею преданностію посвящаетъ сей посильный опытъ трудовъ своихъ учитель Поэзіи, чистой Математики, Греческаго и Французскаго языковъ,

Яковъ Толмачовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПОЭЗІИ.

	Стран.
ГЛАВ. I. О стихахъ - - -	1
— О стихѣ тристопномъ - -	8
— О стихѣ четыресто́пномъ -	10
— О стихѣ пятистопномъ - -	13
— О стихѣ шестистопномъ -	14
ГЛАВ. II. О разныхъ родахъ упражненій	17
ГЛАВ. III. О изобрѣтеніи Піитическомъ	26
— О слогѣ - - - -	58
— О слогѣ простомъ - -	60
— О слогѣ шуточномъ - -	62
— О среднемъ слогѣ - -	66
— О высокомъ слогѣ - -	69
ГЛАВ. V. О родахъ Поэзіи - -	75
— О Поэмѣ - - - -	76
— О дѣйствіи - - -	77
— О вводныхъ повѣствахъ, или Эпизодахъ - - - -	79
— О приступѣ - - -	80
— О причинѣ - - -	81
— О узлѣ - - - -	—
— О развязкѣ - - -	82
— О нравоученіи - - -	84
— О стихотворствѣ - -	—
— О Трагедіи - - -	85
— О началѣ - - - -	—
— О узлѣ - - - -	86
— О развязкѣ - - -	—
— О Комедіи - - -	88

Стран.

— Объ интригѣ - - - 88
— О характерахъ - - - 89
— О порядкѣ - - - 90
— О изображеніи - - - 91
— О Театральныхъ нечаянностяхъ 92
— О смѣшномъ - - - 93
— Объ Одѣ - - - - 94
— Частныя правила Оды - - 99
— О Баснѣ - ; - - 105
— О Сатирѣ - - - 109
— О Идилліи - - - 113
— О Элегіи - - - - 120
— О Эпиграммѣ - - - 126
— О Мадригалѣ - - - 129
— О Эпитафіи - - - 130
— О Надписи - - - 133
— О Сонетѣ - - - - —
— Рондо - - - - 135
— О загадкѣ - - - - 136
ГЛАВ. VI. О Поэзіи вообще - - 138

РУСКАЯ ПОЭЗІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О СТИХАХЪ.

Что есть Поэзія?

Поэзія есть наука, стихами описывать всякую вещь истинную, или вымышленную.

Что есть стихъ?

Стихъ есть рѣчь, по извѣстнымъ мѣрамъ или стопамъ расположенная.

Что есть стопа?

Стопа есть двухъ или трехъ слоговъ сосшавъ.

Что есть слогъ?

Слогъ называется, гдѣ есть гласная буква.

Коликократная стопа, или сколько стопъ?

Пять.

1. *Ямбъ,* имѣющій первой слогъ короткой, а другой долгой, на прим. Гоcпо̄дь.

2. *Хорей,* имѣющій первой слогъ долгой, а другой короткой, на прим. свѣтлый.

3. *Пиррихїй*, состоящій изъ двухъ слоговъ короткихъ. Онъ не составляетъ слова, но случиться можетъ въ срединѣ: ибо всякое двусложное слово будетъ имѣть одинъ слогъ долгой, надъ которымъ стоитъ удареніе; а безъ ударенія нѣтъ словъ въ Рускомъ языкѣ.

4. *Дактиль*, состоящій изъ трехъ слоговъ, одного перваго долгаго и двухъ короткихъ, на прим. ӯтрӗннїй.

5. *Анапестъ*, состоящій изъ трехъ слоговъ, первыхъ двухъ короткихъ, а третьяго долгаго, на прим. Гӧспӧдӣнъ.

Какія стопы употребительнѣе въ Рускихъ стихахъ?

Ямбъ, Хорей и Пиррихій. Ибо Поэзія Ударятельная Руская и вообще всѣхъ новыхъ народовъ требуетъ для большей удобности и пріятности стопомѣрія двусложнаго: такъ какъ Количественная для лучшаго теченія по три вмѣщаетъ.

Что есть Поэзія количественная?

Количественная Поэзія есть, въ которой при стопомѣріи наблюдается, сколько времени какой слогъ протягать должно; какъ-то на долгой слогъ

больше требуется времени, а на короткой меньше; такова Поэзія Латинская и Греческая.

Что есть ударительная Поэзія?

Поэзія ударительная есть, гдѣ при стопомѣріи наблюдается одно удареніе слова; такова Поэзія есть Руская и всѣхъ новѣйшихъ народовъ. Въ ней по большой части пишутся стихи риѳмами, которыя дѣлаютъ ихъ весьма пріятными, плѣняя слухъ отголоскомъ конечнаго слова.

Что есть риѳма?

Риѳма есть конечное слово, подобное другаго стиха конечному слову своимъ отголоскомъ, на прим. подвергаетъ, сохраняетъ.

Коликократная бываетъ риѳма?

1. Мужеская и женская.

a. *Мужеская*, которая имѣетъ удареніе на самомъ послѣднемъ слогѣ, на прим. Господь.

b. *Женская*, которая имѣетъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, на прим. всесильный.

2. Богатая и убогая.

a. *Богатая*, называется, которая много походитъ одна на другую своимъ

отголоскомъ, на прим. плѣняетъ, сохраняетъ.

Ь. *Убогая* называется, которая одна на другую отголоскомъ конечнаго слова не столько схожа, на прим. слѣдъ, не твердъ.

Примѣчаніе 1. Слово одно и тоже, повторяясь при концѣ стиха, не годится въ риѳму: ежели же будетъ имѣть разныя значенія, сходствуя въ одномъ только тонѣ, можетъ употреблено быть очень хорошо въ оную.

Примѣчаніе 2. Сложное слово съ простымъ не можетъ быть въ риѳмѣ, естьли оно значеніемъ своимъ очень ясно показываетъ взаимное производство: естьли же будетъ употреблено въ смыслѣ фигуральномъ, или значеніемъ очень будетъ далеко отъ простаго: то таковая риѳма можетъ быть принята.

Примѣчаніе 3. Сочиняя стихи, не должно одного слова повторять въ риѳмѣ нѣсколько разъ, и надобно даже стараться, чтобъ одинакое окончаніе въ риѳмахъ не ближе было разстояніемъ шести стиховъ. Сіе правило очень нужно въ нашей Поэзіи: ибо красота стиховъ очень много зависитъ отъ риѳмъ и различія оныхъ.

Какъ стихи сочиняются?

Прежде сыскать мысль, о чемъ писать хочешь, по томъ пріищи риѳму; послѣ смотри, какими стихами пи-

сать намѣренъ. Естьли Хореями, мѣряй строфу свою Хореями; естьли Ямбами, мѣряй Ямбами, помѣщая въ стопу какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ по два слога; а естьли пишешь Дактилями, вмѣщай по три. Наконецъ полагай въ строфѣ столько стопъ, о сколько стопахъ хочешь стихи писать. — Примѣтить еще надобно, что выше шести стопъ и ниже двухъ стопъ стиховъ не бываетъ.

Какія правила общія при сочиненіи стиховъ наблюдать должно?

1. Чтобы при стопомѣріи соблюдаемо было удареніе слова; какъ на прим. чтобы вмѣсто человѣкъ, не выходило челóвѣкъ.

2. Чтобы риѳма мужеская мѣшалась съ женскою для большей пріятности слуху, какъ-то: въ шестистопныхъ лучше полагать двѣ женскихъ вмѣстѣ, а послѣ двѣ мужескихъ, или на оборотъ, на примѣръ:

Молитва, въ воздухѣ какъ дымъ, не изчезаетъ,
Но будто молнія небесный сводъ пронзаетъ,
На радужныхъ она возносится крылахъ,
Молитву искреннюю читаетъ Богъ въ сердцахъ.

Въ четырестопныхъ и прочихъ стихахъ полагается риѳма чрезъ строфу, на прим.

Доколь владычество и славу,
Коварство, будешь присвоять?
Вѣсы, кадило, мечь, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?

3. Чтобы не мѣшать стиховъ разнаго рода; но на прим. зачавши писать Ямбами, всѣ стихи пиши Ямбическіе.

4. Въ риѳмѣ не употреблять никогда словъ, имѣющихъ удареніе на третьемъ отъ конца слогѣ, а только тѣ, которыя имѣютъ оное на послѣднемъ, или на предпослѣднемъ.

Какъ называются стихи?

Они называются по своимъ стопамъ. Гдѣ Ямбъ употребился въ стопомѣріи, тѣ стихи Ямбическіе, гдѣ Хорей, Хореическіе: также по числу стопъ, гдѣ двѣ стопы, двустопные, гдѣ три, тристопные, и такъ далѣе.

Что есть двустопный стихъ?

Двустопный есть тотъ, гдѣ употребляется двѣ стопы, на прим.

Я доволенъ
И спокоенъ,

Коль душею
Я своею
Не терзаюсь,
Наслаждаюсь *и проч.*

Двустопные Хореическіе имѣютъ въ женскомъ стихѣ двѣ стопы ровно, а въ мужескомъ одну и слогъ лишній.

Громъ гремитъ,
Все разитъ!...
Мы сердцами
И слезами,
Молимъ васъ,
Боги гнѣва
И Эрева,
Въ страшный часъ!
Ахъ! пошлите
Солнца лучь,
Разгоните
Мраки тучь! —
Нѣтъ спасенья,
Избавленья
Намъ въ бѣдахъ;
Погибаемъ,
Ощущаемъ
Смерть въ сердцахъ.

Тоже должно разумѣть и о Дактелическихъ двусіпопныхъ, кои всегда имѣютъ вторую стопу Хорея полную въ женскомъ, а въ мужескомъ одинъ слогъ, на прим.

Въ ночь лишь седьмую
Мрачнаго трона
Степень пришла,
Съ Росска Сіона
Звѣзду златую
Смерть сорвала;
Лучь покатясь
Съ синяго неба
Въ безднѣ погасъ *и проч.*

Ямбическіе двустопные имѣютъ въ мужескомъ стихѣ двѣ стопы ровно, а въ женскомъ стихѣ двѣ и слогъ лишній.

О СТИХѢ ТРИСТОПНОМЪ.

Что есть тристопный стихъ?

Тристопный стихъ, гдѣ въ стихѣ три стопы полагается. Онъ бываетъ также, какъ и двустопный, Хореическій, Ямбическій и Дактилическій.

Примѣръ тристопнаго Хореическаго:

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе,
Она мнѣ была;
Съ каждымъ днемъ алѣе,
Все какъ вновь цвѣла.

Но на щастье прочно
Всякъ надежду кинь;
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла,
Тотъ же самой цвѣтъ;
Но не та ужъ стала!
Аромата нѣтъ.

Хлоя! какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ;
Сколь, увы! опасенъ
Для красы порокъ!

Примѣръ Ямбическаго пристопнаго:

Въ прекрасный Майскій день,
Въ часъ ясныя погоды,
Какъ всюду длинна тѣнь,
Ложась въ стекляны воды,
Въ ихъ зеркалѣ береговъ
Изображала воды;
И какъ между столбовъ
Изъ зданіевъ Ѳемиды,
Сооруженныхъ ей
Героевъ Росскихъ въ славу,
При гласѣ лебедей,
Въ прохладу и забаву
Вечернею порой
Отъ всѣхъ уединяясь,
Съ Плѣнирою младой
Мы въ лодочкѣ катаясь,
Гуляли въ озеркѣ *и проч.*

Примѣръ тристопнаго Дактилическаго:

Весело въ полѣ работь;
Будьте прилѣжны, друзья!
Классы златые ссѣкайте
Махомъ блестящей косы!

Солнце сіяетъ надъ нами,
Птицы въ кусточкахъ поютъ;
Весело въ полѣ работать;
Будьте прилѣжны, друзья!

Чувствуйте милость Цереры,
Добрей богини плодовъ!
Жителямъ неба любезенъ
Гласъ благодарныхъ сердецъ.

Скоро настанетъ и вечеръ;
Вечеръ для отдыха данъ.
Пользуйтесь часомъ работы,
Пользуйтесь временемъ дня!

Звѣри работы не знаютъ,
Птицы живутъ безъ труда;
Люди не звѣри, не птицы,
Люди работой живущъ.

О СТИХѢ ЧЕТЫРЕСТОПНОМЪ.

Что есть четырестопный стихъ?

Четырестопный стихъ, гдѣ полагается въ стихѣ четыре мѣры. Онъ бываетъ также, какъ и вышеупомяну-

тые, Ямбической, Хореической и Дактилической.

Примѣръ Ямбическаго четырестопнаго:

На темно-голубомъ эѳирѣ
Златая плавая луна,
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи, съ высотъ она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ,
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нѣва изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ
Мертва казалась слуху, оку,
На высотѣ и въ глубинѣ
Лишь вѣяли одни Зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.

Примѣръ Хореическихъ четырестопныхъ:

Пой во мракѣ тихой рощи,
Нѣжной, кроткой соловей!
Пой при свѣтѣ лунной нощи!
Гласъ твой милъ душѣ моей.

Но почтожь рѣкой катятся
Слезы изъ моихъ очей,
Чувства ноютъ и томятся
Отъ гармоніи твоей?
Ахъ! я вспомнилъ сердцу милыхъ,
Въ нѣдрахъ хладныя земли
Отъ очей моихъ сокрытыхъ!
Ихъ могилы заросли
Всѣ высокою травою.
Я остался сиротою,
Я остался въ горѣ жить,
Тосковать и слезы лить!
Съ кѣмъ теперь мнѣ наслаждаться
Нѣжной пѣснію твоей?
Съ кѣмъ природой утѣшаться?
Все печально безъ друзей!
Съ ними духъ нашъ умираетъ,
Радость жизни отлетаетъ;
Сердцу скучно одному,
Свѣтъ пустыня, мракъ ему.
Скороль пѣснію своею,
О любезной соловей!
Надъ могилою моею
Будешь ты плѣнять людей?

Примѣчаніе 1. Четырестопные Дактилическіе стихи весьма рѣдки; они находятся у старинныхъ только писателей, какіе Третьяковскій и другіе ему подобные. Но тристопные Дактилическіе также и двустопные часто употребляются.

Примѣчаніе 2. Изъ примѣровъ видѣть можно, что во всѣхъ стихахъ Хореическихъ въ мужескомъ не достаетъ одного слога.

Причина сего недостатка въ свойствѣ Хорея, такъ какъ напротивъ свойство Ямба дѣлаетъ то, что въ женскомъ всегда бываетъ слогъ лишній.

Примѣчаніе 3. Хореическіе и Ямбическіе четырестопные весьма употребительны. Въ мѣлкихъ сочиненіяхъ они всегда употребляются.

О СТИХѢ ПЯТИСТОПНОМЪ.

Что есть пятистопный стихъ?

Пятистопный Пентаметръ называется, гдѣ полагается при стопомѣріи въ стихъ по пяти стопъ. Въ важныхъ сочиненіяхъ онъ совсѣмъ не употребляется, а въ однѣхъ басняхъ можетъ только имѣть мѣсто. Пятистопный Ямбическій имѣетъ пресѣченіе. Оно дѣлается послѣ двухъ стопъ, а иногда послѣ трехъ.

Примѣръ Ямбическихъ пятистопныхъ:

Взаймы себѣ просилъ олень сѣнца:
Ссуди меня, сударыня овца!
Я все отдамъ, въ томъ волкъ тебѣ порукой.

Пятистопный Хореическій имѣетъ также пресѣченіе. Въ стихахъ женскихъ оно случается по двухъ стопахъ и одномъ слогѣ, а въ мужескомъ послѣ трехъ стопъ ровно. Въ жен-

скихъ второе полустишіе имѣетъ три стопы ровно, а въ мужескомъ двѣ стопы и одинъ слогъ лишній.

Примѣръ пятистопныхъ Хореическихъ женскихъ:

Силы въ серебрѣ всякъ скупой не знаетъ;
Странно то, когда въ землю зарываетъ.

Примѣръ мужескихъ Хореическихъ:

Колесу подобенъ міръ въ своемъ кругу,
Сотью перемѣненъ на одномъ шагу.

Примѣчаніе 1. Пресѣченіе не должно раздѣлять слова на двѣ части, также и предлогъ отъ своего падежа отдѣляться не долженъ.

Примѣчаніе 2. Дактилическіе пятистопные совсѣмъ не употребительны.

О СТИХѢ ШЕСТИСТОПНОМЪ.

Что есть шестистопный стихъ?

Шестистопный, гдѣ при стопомѣріи въ строфу полагается шесть стопъ. Онъ бываетъ Ямбическій, Хореическій и Дактилическій.

Шестистопный Ямбическій всегда имѣетъ пресѣченіе послѣ трехъ стопъ ровно, и раздѣляетъ стихъ на два полустишія. Первое полустишіе состоитъ изъ трехъ стопъ ровно; вто-

рое въ мужескомъ стихѣ имѣетъ три стопы также ровно, а въ женскомъ слогъ лишній.

Примѣръ Ямбическихъ шестистопныхъ:

Клонился къ вѣчности уже десятый вѣкъ,
Какъ въ мірѣ возсіялъ и Богъ и человѣкъ;
Сивиллы древнія, Оракулы молчали,
Додонскіе лѣса жрецамъ не отвѣчали;
Но Кіевъ, истины взирая на лучи,
Дремалъ безбожнаго невѣрія въ ночи.
Какъ будто былъ Творецъ никѣмъ незнаемъ въ мірѣ,
Казался тамо Богъ въ безчувственномъ кумирѣ;
То сонная была и мутная вода,
Въ которой небеси не видно никогда;
Сидонскимъ въ ярости Вааловымъ подобны
Жрецы, какъ ихъ кумиръ, толико были злобны.
Для выгодъ собственныхъ служили олтарю;
Для выгодъ олтаря покорствуетъ Царю.

Ямбическіе шестистопные стихи употребляются въ важныхъ и длинныхъ сочиненіяхъ, какъ-то: въ Комедіяхъ, Трагедіяхъ, Поэмахъ и проч.

Хореическій шестистопный имѣетъ пресѣченіе въ мужескомъ стихѣ послѣ трехъ стопъ ровно, а въ женскомъ послѣ трехъ и слога лишняго. Второе полустишіе въ женскомъ стихѣ со-

стоитъ изъ трехъ ровно ; а въ мужескомъ изъ трехъ и одного слога лишняго.

Примѣръ Хореическаго шестистопнаго мужескаго:

Кто утѣхи въ жизни, никакихъ отрадъ не зналъ,
Тотъ съ веселымъ духомъ и спокойнымъ смерть встрѣчалъ.

Примѣръ Хореическаго женскаго:

Всѣ нещастія должны съ жизнью прекратишься ;
Тамъ — за гробомъ тишина съ миромъ водворится.

Примѣчаніе: Въ пятистопныхъ и шестистопныхъ стихахъ первое полустишіе не должно сходствовать риѳмою съ конечнымъ слогомъ втораго полустишія. Дактилическіе шестистопные не что иное суть, какъ шестистопные Латинскіе; въ стопомѣріи своемъ принимаютъ на первомъ, второмъ, третьемъ и четвертомъ мѣстѣ Дактиля или Хорея, на пятомъ всегда полагается Дактиль, а шестая бываетъ Хорей. Они совсѣмъ нашему языку не сродны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О РАЗНЫХЪ РОДАХЪ УПРАЖНЕНІЙ.

Правила безъ упражненія мало пользуютъ. Можно выучить правила и знать ихъ по теоріи твердо: но произвесть оныя въ дѣйствіе безъ навыка трудно. Сіе подтверждаетъ опытъ во всякой наукѣ: посему первое стараніе ученика должно быть упражненіе въ сочиненіи.

Способъ и употребленіе слога. Квинтиліанъ въ разсужденіи слога три представляетъ правила:

1. Не должно спѣшить въ сочиненіи. Не отъ поспѣшности зависитъ красота сочиненія, но отъ навыка, красиво сочинять, пріобрѣтается поспѣшность.

2. Не тѣ мысли, которыя представляются, тотчасъ должно изображать, но надобно искать и выбирать изъ нихъ лучшія; поелику намъ обыкновенно представляются прежде всего тѣ мысли и слова, которыя во всегдашнемъ и всеобщемъ употребленіи; а слѣдовательно низкія. Прекрасное и рѣдкое рѣдко и съ трудомъ на мысль приходитъ.

3. При сочиненіи выше написанное

надобно повторять, а особливо въ сочиненіяхъ длинныхъ. Ибо сверьхъ того, что, повторяя такимъ образомъ, связываемъ предыдущее съ послѣдующимъ, возбуждаемъ вмѣстѣ и жаръ, который отъ продолжительныхъ мыслей обыкновенно ослабѣваетъ.

4. Четвертое правило представляетъ Горацій: выбирай матерію, сообразную твоимъ силамъ.

Sumite materiam vestris, qui ſcribitis, aequam viribus.

Ученику должно избирать всегда для описанія предметъ физическій, который онъ всегда предъ глазами видитъ, не связывая его мыслей никакимъ сказуемымъ; на прим. солнце, луна, лѣсъ, лугъ, громъ и проч.

Наконецъ слѣдующіе роды упражненій способствовать будутъ къ образованію слога.

I.

Синонимы.

Однозначащія весьма важны въ сочиненіяхъ стихотворческихъ. Естьли чѣмъ избѣжать можно принужденія въ стопомѣріи и въ риѳмахъ, то посредствомъ навыка, одну мысль представ-

ять въ разныхъ словахъ и выраженіяхъ. Господинъ Херасковъ изображаетъ различными способами сіе предложеніе.

же заря ведетъ къ намъ день.

1.

же заря востокъ румянить начала.

2.

же златую дверь Аврора отворила,
ремучіе лѣса и горы озарила.

3.

же кристальну дверь небесну отворя,
аждаться начала багряная заря.

4.

же златую дверь Аврора отворила,
ризой небеса червленой озарила.

5.

же заря съ небесъ сгоняетъ черну тѣнь,
въ ризу бѣлую облекся новый день.

6.

же румяное заря чело явила,
рогнала тѣнь съ небесъ, долины оживила.

7.

же предъ свѣтлою зарей изчезла тѣнь,
уна подъ землю шла, и воцарился день.

8.

ервленная заря румянитъ сводъ небесъ,
ершины горъ крутыхъ, дремучій краситъ лѣсъ;
пускаясь на поля туманъ рѣкой ложится.

9.

тверзъ небесну дверь денницы перстъ златой,
умяная заря встрѣчалась съ темнотой;

Мракъ тонкій изчезалъ, сіяніе раждалось.

10.

Уже съ вершинъ древесъ сошла ночная тѣни
И ризу по горамъ раскинулъ ясный день,
Румяное чело Аврорино сіяло,
Все, мнится, паки вновь раждаться начинало.

Такое упражненіе весьма много подѣйствуетъ. Ученикъ, привыкшій къ разнымъ оборотамъ словъ или выраженій, не будетъ нигдѣ дѣлать своимъ мыслямъ принужденія. Посему не льзя довольно употребить трудовъ на сіе, и самое долговременное упражненіе не будетъ излишнимъ. Сдѣлаемъ подражаніе выше приведеннымъ примѣрамъ изъ предложенія: *уже ночь наступаетъ*.

1.

Уже крылами ночь вселенну покрываетъ.

2.

Спустила мрачные свои покровы ночь.

3.

Уже вселенную объемлетъ мракъ густой,
И солнце скрылося въ туманахъ за горой.

4.

Вечерняя заря послѣдній тушитъ лучь,
Покрыла горизонтъ рядами мрачныхъ тучъ.

5.

Свѣтило дневное уже въ моря сокрылось,
И миріады звѣздъ на синевѣ явилось.

6.

Уже ночная тѣнь покрыла древеса,
Дрожащая луна грядетъ на небеса.

7.

Простерла скипетръ свой на землю мрачна ночь,
Съ долинъ и горъ крутыхъ лучи прогнала прочь;
Одѣлось мракомъ все, природа вся уснула.

8.

Тѣнь длинная древесъ слилася съ темнотой;
Въ долинахъ и лѣсахъ разлился мракъ рѣкой.

9.

Свѣтило дневное лучи сокрыло въ понтъ,
Сребристая луна взошла на горизонтъ,
Подъемлетъ къ небесамъ рога свои высоки,
Лобзаетъ тихій свѣтъ ея рѣчные токи.

10.

Въ бездонной глубинѣ неизмѣримой бездны
Являться начали безчисленныя звѣзды.

Однознаменательныя слова и мысли самыя лучшія суть тѣ, которыя означаютъ одинакія дѣйствія вещи, страданія, качества, степени ихъ и проч.

II.

Другой родъ упражненія сколько пріятный, столько и полезный, есть переложеніе стиховъ какого автора изъ одного стопомѣрія на другое, на прим. переложимъ слѣдующій четыре-

стопный стихъ Господина Державина на шестистопный.

Когда то правда, человѣкъ!
Что цѣпь печалей весь твой вѣкъ;
Почтожь намъ вѣкомъ долгимъ льститься?
На толь, чтобъ плакать и крушиться,
И мѣря жизнь свою тоской,
Не знать отрады никакой?

Когда на опытѣ узналъ ты, человѣкъ!
Что непрерывная цѣпь горестей твой вѣкъ,
На что же вѣкомъ намъ здѣсь долгимъ обольщаться?
На толь, чтобъ слезы лить, чтобъ плакать, сокрушаться,
И жизни своей дни всѣ мѣряя тоской,
Не чувствовать въ душѣ отрады никакой?

III.

Переводить съ одного языка на другой для ученика весьма полезно. Великіе мужи образовали себя симъ родомъ упражненія; и это есть единственная цѣль знанія языковъ. Естьли хочемъ увѣриться опытомъ въ сей истинѣ, прочтемъ Виргилія. Его Эклоги III, VII, VIII, X суть или очень близкое подражаніе, или переводъ Идиллій Теокрита; въ Георгикахъ много мѣстъ, переведенныхъ изъ Гезіода; и всѣ самыя лучшія описанія въ Энеидѣ взяты

изъ Поэмъ Гомеровыхъ. Томсонъ, Фенелонъ, Вольтеръ и другіе также пользовались во многихъ мѣстахъ Гомеромъ или Виргиліемъ. Но прекрасный переводъ ихъ на отечественный языкъ еще болѣе дѣлаетъ имъ чести, нежели другимъ оригинальность. Г-нъ Державинъ начало своей прекрасной Оды на смерть Гр. Р. заимствовалъ изъ Горація.

Non ſemper imbres nubibus hiſpidos
Manant in agros; aut mare Caſpium
Vexant inaequales procellae
Uſque; nec Armeniis in oris,
Amice Valgi, ſtat glacies iners
Menſes per omnes; aut Aquilonibus
Querceta Gargani laborant,
Et foliis viduantur omi.

Не безпрестанно дождь стремится
На классы съ черныхъ облаковъ,
И море не всегда струится
Отъ перемѣняемыхъ вѣтровъ;
Не круглый годъ во льду спятъ воды,
Не всякой день бурь слышенъ свистъ,
И съ скучной не всегда природы
Падетъ на землю желтый листъ.

IV.

Четвертый родъ упражненія, необходимый для ученика, есть подражаніе. Здѣсь разумѣется не то подражаніе,

которое преобрѣтается чрезъ долговременное упражненіе, глубокое разсужденіе, проницательность, когда одного сочинителя духъ переливается, такъ сказать, въ другаго со всѣми красотами и искусствомъ краснорѣчія; но подражаніе дѣтское, когда тѣсно по слѣдамъ автора слѣдуемъ, изъясняясь въ подобной матеріи тѣми же почти словами, выраженіями и мыслями. Г-нъ Державинъ представляетъ прекрасный образецъ въ семъ родѣ упражненій.

ODE.

Exegi monumentum ære perennius,
Regalique ſitu pyramidum altius;
Quod non imber edax, non Aquilo impotens
Poſsit diruere aut innumerabilis
Annorum ſeries et fuga temporum.
Non omnis moriar; multaque pars mei
Vitabit Gibitinam. Usque ego postera
Crescam laude recens; dum Capitolium
Scandet cum tacita virgine pontifex.
Dicar, qua violens obſtrepit Aufidus,
Et qua pauper aquæ Daunus agreſtium
Regnavit populorum, ex humili potens,
Princeps Aeolium carmen ad ſtalos
Deduxisse modos ſume ſuperbiam
Quæſitam meritis, et mihi Delphica
Lavro cinge volens, Melpomene, comam.

Я памятникъ себѣ воздвигъ безсмертный, вѣчный,
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.

Такъ! — весь я не умру, но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева съ Рифея льетъ Уралъ.
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неизчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ.

Что первой я дерзнулъ въ забавномъ Рускомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить;
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину Царямъ съ улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой;
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай. —

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О ИЗОБРѢТЕНІИ ПІИТИЧЕСКОМЪ.

Опредѣливъ Поэзію чрезъ науку описывать стихами вещи истинныя или вымышленныя, нужно было знать, что есть стихъ, теперь слѣдуетъ еще узнать, что называется описывать вещи.

Что называется описывать вещи?

Показать дѣйствія вещи, страданія, свойства, части, причины, обстоятельства, подобіе, противное, словомъ, всѣ ея отношенія, все то, что составляетъ вещь сію, и чѣмъ она отъ другихъ различается.

Описаніе очарованнаго лѣса.

Подъ тѣнью горъ крутыхъ Кавказскихъ видѣнъ лѣсъ,
Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являющи призраки;
Тамъ, кажется, простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ,
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ.
Когда усыплетъ ночь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса,

Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ исходитъ бурный пламень;
Кустарники дрожатъ, о камень бьется камень,
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ,
Пылаетъ гордый дубъ и тополы маститы;
Повсюду слышатся взыванія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ,
Онъ шумомъ ужасу дубравѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ:
Лѣсъ воетъ — адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.
Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступить никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волфами очарованъ.

Описаніе того же лѣса въ пріятномъ видѣ.

Уже дремучій лѣсъ казался освѣщенъ,
Который терніемъ былъ прежде заращенъ;
Живущи духи въ немъ и мраки изчезали,
Зефирамъ древеса дороги отверзали;
И солнце, озлативъ лучемъ вершины ихъ,
Казалося взирать съ веселіемъ на нихъ.
Мѣшался блескъ его съ зелеными листами,
Какъ онъ мѣшается со влажными струями;
Сіяніе лучей, встрѣчаясь съ темнотой,
Явилось лунною одеждою златой.

Пріемлетъ райскіе сія дуброва виды,
И свой преноситъ тронъ въ зеленость сынъ Киприды.
Животвореніе, лѣтая въ слѣдъ за нимъ,
Древамъ приноситъ цвѣтъ, приноситъ роскошь имъ;
Явилися вездѣ забавы и отрады;
Подъ тѣнью плящущи представились Дріады;
На вѣтьвахъ соловьи Авроринъ всходъ поютъ,
Ключи прозрачные въ пригоркахъ злачныхъ бьютъ,
И въ мѣлкіе они источники дѣлятся;
Наяды, ихъ струи свивая, веселятся;
И вѣтры нѣжные, играя во цвѣтахъ,
Благоуханіе разносятъ на крылахъ.
Лужайки разцвѣли и воздухъ оживился;
Проснулось эхо тамъ, Нарциссъ у водъ явился.
Такія видимы всемѣстны красоты,
Какихъ не можешь, кисть, очамъ представить ты!
Щастливѣе тѣхъ мѣстъ, чѣмъ славилася Энна,
Гдѣ дщерь Церерина Плутономъ похищенна,
Иль можно ихъ сравнить съ прекрасною страной,
Гдѣ древній царствовалъ садами Алкиной.
Тамъ разныхъ прелестей совокупились роды,
Которы красота являетъ намъ природы.
Какъ чистое стекло влечется водный токъ,
На днѣ имѣющій жемчугъ, златый песокъ;
И будто въ зеркалѣ вода изображаетъ
Все то, что берега цвѣтущи окружаетъ.
Зелены дерева, сомкнувшись, вкругъ стоятъ,

Вершины преклонивъ, въ источники глядятъ;
Тамъ пѣсни далеко въ пещерахъ раздаются;
Пригорки движутся, кустарники смѣются;
Источники, въ травѣ вiяся, говорятъ;
Другъ на друга цвѣты съ умильностiю зрятъ;
Зефиры рѣзвые листочки ихъ цѣлуютъ,
Струи въ ключахъ крутятъ, въ зелены
вѣтьвы дуютъ. —

Четыре рода бываетъ описанiй:

Вещепредставленiе, лицепредставленiе, мѣстопредставленiе и повѣствованiе.

1. Вещественное есть, когда предметъ чувственный физическiй описывается. Не льзя живѣе изобразить его, какъ изчисливъ наружныя части онаго, сихъ частей дѣйствiя, страданiя, качества; описавъ мѣсто, гдѣ онъ находится, время, въ которомъ находится. Господинъ Херасковъ, изображая дiавола въ своей Поэмѣ *Владiмiрѣ*, представляетъ живую картину описанiя сего рода.

Воздушной въ глубинѣ неизмѣримой бездны,
Гдѣ силы естества питаютъ круги звѣздны
И перстомъ Божiимъ посѣянное въ нихъ,
На здѣшнiй шаръ земный течетъ вліянье ихъ,
Преобращается для чистыхъ душъ во благо,
Въ злощастiе и смерть для грѣшника живаго:

Въ воздушной безднѣ сей, утративъ прежній свѣтъ,
Противникъ Божества изъ древнихъ дней живетъ.
Изъ мрачныхъ облаковъ престолъ его устроенъ,
На немъ сидящій царь быть думаетъ спокоенъ;
Повсюду сѣя зло, спокоенъ чаетъ быть;
Но тотъ ли щастливъ есть, не можетъ кто любить?
Не можетъ кто любить, а только ненавидѣть,
Бѣды и вредъ творитъ, добра не хощетъ видѣть,
Кометѣ пламенной его подобенъ зракъ,
Одежда бурный вихрь, а плоть геенскій мракъ.
Какъ громы рѣчь его; свѣркающія очи
Подобны молніямъ среди глубокой ночи;
Въ немъ сердце бездна есть, дыхающа огнемъ,
Какъ искры мещуща лежащу злобу въ немъ.
Убійство взоръ его, дыханіе отрава,
Утѣха — плачь и стонъ, страданіе — забава.
Но злобный міра князь, хоть мраками одѣтъ,
Пріемлетъ кроткій видъ, являетъ ложный свѣтъ:
Сей свѣтъ есть татское у неба похищенье,
Ввергающе людей во тьму и развращенье.
Не рѣдко въ молніяхъ, во буряхъ и въ пыли
Распространяется князь міра по земли;
Въ туманахъ кроется, въ перунахъ угрожаетъ,
Въ дубравахъ Нимфамъ онъ зовущимъ подражаетъ;

Во мрежи онъ влечетъ нещастный смертный родъ,
Таится въ тьмѣ ночной, таится въ нѣдрѣ водъ,
Крылами воздухъ весь невидимо объемлетъ;
Онъ смотритъ внутрь сердецъ, слова людскія внемлетъ,
И душу слабую едва примѣтитъ онъ,
Вселяется въ нее и въ ней свой ставитъ тронъ.

2. *ЛИЦЕПРЕДСТАВЛЕНІЕ.*

Содержаніе сего описанія бываетъ какое нибудь лице. Здѣсь изображаются нравы какого нибудь человѣка, свойства душевныя и тѣлесныя, его страсти, его добродѣтели, его пороки, дарованія, умъ, сердце, дѣла собственныя его, или его предковъ, словомъ вся исторія его жизни и отношеній. Господинъ Херасковъ весьма хорошее дѣлаетъ описаніе Рогдая.

Рогдай прославился во подвигѣ геройскомъ;
Онъ въ браняхъ управлялъ Владиміровымъ войскомъ.
Онъ славою во всей подсолнечной гремѣлъ;
Но качествъ нравственныхъ похвальныхъ не имѣлъ.
Ко просвѣщенію тотъ смертныхъ негодится,
Кто мужествомъ однимъ и силами гордится;

Удобенъ и простой во брани воинъ быть,
Который кровь врага безстрашно можетъ лить.
Гогдай теперь пришелъ въ отечество отъ Грековъ,
Превыше чтилъ себя всѣхъ прочихъ человѣковъ.
Онъ храбростью востокъ и западъ удивлялъ,
Престоловъ онъ себя подпорой поставлялъ.
Такой тщеславный духъ и склонности упруги,
Прощались за его къ отечеству услуги.
Ни просвѣщенія, ни правилъ не имѣлъ;
Онъ аспидъ сердцемъ былъ, а храбростію левъ.

Въ другомъ мѣстѣ описываетъ онъ Адашева слѣдующимъ образомъ:

Сей мужъ, разумный мужъ, въ его цвѣтущи лѣта,
Казался при Дворѣ, какъ нѣкая планета,
Вступающа въ свой путь отъ незнакомыхъ мѣстъ,
И рѣдко зримая среди горячихъ звѣздъ.
Придворные его съ досадой угнѣтали,
Но внутренно его сердцами почитали.
Адашевъ щастія, обманы презиралъ,
Мірскія пышности ногами попиралъ;
Лукавству былъ врагомъ, ласкательствомъ гнушался;
Превыше былъ страстей и чесностію полнъ.
Какъ камень посредъ кипящихъ бурныхъ волнъ,

Борея небоясь, стоитъ неколебимо,
И волны, о его біясь, проходятъ мимо:
Адашевъ тако твердъ среди развратовъ былъ,
Отъ міра удаленъ, отечество любилъ.

Описаніе Исполина изъ Поэмы *Владиміръ*.

Исторгся изъ среды Ординцовъ Исполинъ,
Ступаетъ по песку тяжелыми стопами.
Онъ ищетъ ратника свирѣпыми очами.
Былъ кожей вепревой, какъ терномъ, весь покрытъ,
Свирѣпость на челѣ, въ очахъ огонь горитъ;
Брада всклокоченна, грудь черна волосата,
Въ рукѣ дебелая дубина суковата;
Широкій на бедрѣ виситъ булатный мечь.
Подобный бурямъ взглядъ, подобна грому рѣчь,
Густая тѣнь его великій холмъ покрыла.
и проч.

Господинъ Херасковъ, описывая страшное мѣсто Зломірова жилища, удивительно изображаетъ харакіперъ его.

Между печальныхъ горъ, гдѣ бурный Днѣпръ свои
Влечетъ сквозь тростники шумящія струи,
Томленны жаждою долины орошаетъ
И шумомъ пѣсни птицъ въ дубровахъ заглушаетъ,
Со брегу надъ рѣкой угрюмой лѣсъ нависъ,

И выдался въ водѣ крутой безплодной мысъ;
Тамъ видима въ мѣни кремнистая пещера,
Кругомъ ея растетъ кудрявая Есдера;
Изсохши древеса дрожащу мещятъ тѣнь,
Пещеру никогда не посѣщаетъ день;
Тамъ кажется ночныхъ жилище привидѣній,
Убѣжище тоски, вертепъ печальныхъ мнѣній;
Тамъ мягкій одръ себѣ устроилъ томный сонъ,
И скука мрачная сооружила тронъ;
Тамъ царствуютъ всегда нахмуренны туманы,
Слѣтаются кругомъ стадами черны враны;
Зломіръ тамъ обиталъ, безбожный чародѣй,
Врагъ неба, врагъ земли, врагъ Бога, врагъ людей;
Во чернокнижіи Зломіръ погрязъ глубокомъ;
Именовался онъ у Кіявлянъ пророкомъ;
Въ пещерѣ съ сонмищемъ бесѣдовалъ духовъ,
Клевретомъ идоловъ и другомъ былъ жрецовъ,
Тамъ человѣчіи изсохши кости видны,
Шипящіе змѣи и лютые Эхидны;
Тамъ Ненависть людей, ни Бога не любя,
Терзаетъ грудь свою и ѣстъ сама себя;
Но паки внутренна ко скорбямъ въ ней родится,
И паки пищею свирѣпства становится.
Тамъ Злоба рветъ власы, тамъ блѣдный стражъ дрожитъ

Цѣпями Совѣсть тамъ окованна лежитъ;
Обманъ и Лесть сидятъ увитыя вѣнцами,
Алкая царствовать надъ слабыми сердцами.
Межь ними день и ночь волшебствуя, Зломіръ
Геенской прелестью обворожаетъ міръ;
Изъ сей губительной, подобной аду, бездны,
Взираетъ чародей въ ночи на круги звѣзды.

3. *МѢСТОПРЕДСТАВЛЕНІЕ.*

Здѣсь обыкновенно описывается какое нибудь мѣсто особливо, на примѣръ: лугъ, долина, лѣсъ, храмъ, гора, городъ и проч. со всѣми предметами, находящимися въ описываемомъ мѣстѣ. Прекрасное описаніе долины находится у Господина Хераскова въ Поэмѣ *Владимірѣ*.

Уже съ вершинъ древесъ сошла ночная тѣнь,
И ризу по горамъ раскинулъ свѣтлый день;
Румяное чело Аврорино сіяло,
Все въ мірѣ, мнится, вновь раждаться начинало;
Когда въ предверіе Россійскій Князь вступилъ,
Гдѣ вкупѣ Законестъ со Іолемомъ жилъ,
Почувствовалъ кругомъ цвѣтовъ благоуханье,
Производящее Едемское вліянье;
Тамъ длинными цвѣли рядами древеса,
Межь вѣтвей зрѣлися лазурны небеса;

По злату чистому источники бѣжали,
Поющихъ гласу птицъ въ журчаньѣ подражали;

Стопами на лугу попранная трава
Возобновлялася и зрѣлася жива,
Тамъ звѣзды зримыя ко тверди пригвожденны,
Бываютъ въ нѣдрѣ водъ въ нощи изображенны;
Поверхность струй Зефиръ на время возмутитъ,
Утихнетъ и въ водѣ кругъ звѣздный око зритъ,
Хоть былiе зима въ долинѣ умерщвляетъ,
Но только дхнетъ весна, долины оживляетъ;
Бросало солнце лучь по воздуху свѣтлѣе,
Земля роскошнѣе, былъ воздухъ веселѣе.
Тамъ птички на древахъ Авроринъ всходъ поютъ,
Казалося, Творцу хвалу ихъ воздаютъ.
Всѣ вещи зримыя, всѣ красныя мѣста,
Казалися имѣть единыя уста,
Небеснаго Царя хотящи купно славить...
Что видѣлъ тамо Князь, не можетъ умъ представить.
Благоуханiемъ наполненъ воздухъ весь,
Нетлѣнность по лугамъ простерла ризу здѣсь,

И животворною кропя луга росою,
Всѣ виды облекла небесною красою;
Всегдашнiй древеса обогащаетъ цвѣтъ,
Ни корень плотiю, ни стебель не одѣтъ;
Лишь только видима подобна древу стала

Та жизнь, которая во древѣ обитала;
Зелены маслины, кустарникъ и цвѣтокъ,
Не тѣло грубое, единъ имѣетъ сокъ,
Натура, облакомъ всечастно окруженна,
Въ юдолѣ сей очамъ казалась обнаженна.
О коль была чиста! о коль была красна!
Какъ нѣкій свѣтлый духъ, является она!
Нѣтъ тлѣнности у ней, жизнь, жизнь у ней
едина,
Прельщаетъ зримая Владиміра долина,
Прельщаютъ новыя и злачныя мѣста,
Цвѣтущая вездѣ прельщаетъ красота,
Представилась она долины во простран-
ствѣ,
И рощамъ и полямъ во свойственномъ убран-
ствѣ,
Имѣетъ на главѣ лазуревый вѣнокъ,
Порфира у нее прохладный вѣтерокъ,
Вѣявь — скипетръ у нее, увитая цвѣтами,
Едемскими она сіяетъ красотами.
Тамъ левъ, покоясь, съ невиннымъ агнцемъ
спитъ,
Колючій тернъ, созрѣвъ, ни жалитъ, ни
язвитъ;
Тамъ ястребъ горлицу ни гонитъ, ни тер-
заетъ,
Борей покоится, Зефиръ струи лобзаетъ.

Въ той же Поэмѣ описываетъ онъ городъ слѣдующимъ образомъ:

На Востокѣ видитъ Князь великолѣпный
градъ,
И дважды шесть кругомъ златыхъ отверс-
тыхъ врать;

Тамъ зримы Ангелы, врата сіи спрегущи,
Въ бесѣдѣ сладостной небесну пѣснь поющи.
Весь градъ является изъ свѣта сотворенъ,
Не солнцемъ, но лицемъ Господнимъ озаренъ.
Тамъ стогны ясписомъ и сардомъ помощенны,
Едемскимъ дрезеса плодомъ обогащенны;
Повсюду царствуетъ священна тишина;
Въ нетлѣнныхъ тамъ вѣнцахъ является весна,
На пальмахъ видимы повѣшенныя лиры,
Которымъ крыльями касаются Зефиры,
И внемлется отъ нихъ пріятный нѣкій звукъ,
Согласнѣе игры искусныхъ самыхъ рукъ.
Тамъ жатвою златой долины вкругъ тучнѣютъ,
Акація и миртъ всечастно зеленѣютъ.
Живое древо тамъ цвѣтетъ у чистыхъ водъ,
Жизнь вѣтвія его, жизнь каждый древа плодъ.
Небесны жители сіи плоды вкушаютъ;
Вкусивъ, пріемлютъ свѣтъ и Бога ощущаютъ;
Объемлетъ оный градъ прозрачный сводъ небесъ,
Граждане возсѣдятъ межь пальмовыхъ древесъ;
Спокойны ихъ сердца и безмятежны взоры,
Забавы искренни, пріятны разговоры;
Вѣнки лавровые имѣютъ на главахъ,
Въ лицѣ спокойства лучь, веселость во очахъ;
Лилеямъ бѣлизной подобны ихъ одежды,
И на челахъ печать безсмертія надежды.
Ни зависти у нихъ, ни лести, ни скорби нѣтъ,

Ни бренности земной, ни разслабленья лѣтъ;
Блаженство души ихъ, какъ манна, утѣшаетъ,
Ихъ дружба веселитъ, а вѣчность награж. даетъ-

4. *ПОВѢСТВОВАНІЕ.*

Повѣствованіе есть ничто иное, какъ историческое описаніе; но стихотворцы совсѣмъ иначе повѣствуютъ, нежели историки. Строгость исторической истины не наблюдается ими. Въ ихъ описаніяхъ всегда дѣйствуютъ или боги, или полубоги, или чрезвычайные какіе герои. Сообразно сему у нихъ языкъ божеской или героической, произшествія необыкновенныя, обороты чрезвычайные.

Примѣромъ могутъ служить всѣ Поэмы и Трагедіи.

Коварства Демона повѣдайте мнѣ, Музы!
Расторглися на немъ его воздушны узы;
На время съемлетъ ихъ съ предателя Творецъ,
Какъ буря, онъ шумитъ и видитъ наконецъ,
Онъ видитъ, къ горести, въ краю полночномъ міра,
Отъ Византійскихъ стѣнъ грядуща видитъ Кира;
Сей пастырь вѣрныхъ душъ и древній философъ,

Являлся Кіевскихъ на крутизнѣ береговъ;
Глаголомъ Божіимъ на подвигъ поощренный,
Онъ шествовалъ, лучемъ небеснымъ озаренный,
Сего блаженнаго діаволъ мужа зритъ,
Пылаетъ яростью и къ Кіеву паритъ,
Паритъ, и молніямъ віющимся подобенъ,
Облекся тучею, неистовъ, дерзокъ, злобенъ,
Какъ парусы, свои крыле распространилъ,
Туманы мыслей злыхъ въ челѣ своемъ носилъ.
Спѣшитъ безбожному въ пещеру ко Зломіру,
Спѣшитъ, но дѣлать зла не забываетъ міру:
Дорогу огненну по воздуху чертитъ,
И тамо сѣетъ вредъ, гдѣ, злобствуя, паритъ;
Зря кости вкругъ волфа, душею веселится,
И на главѣ его какъ черный вранъ гнѣздится.
Онъ шепчетъ своему любимцу въ ушеса:
Почто, имѣя даръ твориши чудеса,
Ты дремлешь, яко левъ, въ пещерѣ у себя,
А сѣти и мечи лежатъ возлѣ тебя?
Такія словеса волшебникову душу
Увлажили, какъ дождь въ изсохшемъ блатѣ сушу.
Они явилися, не яко тщетный сонъ;
Увидѣлъ вдалекѣ святаго мужа онъ.
Онъ взоры на него зміиновидны мещетъ,
Не отъ опасности, отъ злобы волфъ трепещетъ,
Всю силу хощетъ онъ суровости явить;
Но паче хитростью святаго уловить,
Смущаетъ воздухъ весь, весь адъ вооружаетъ,

И мрачный свой вертепъ во храмъ преобра-
жаетъ;
Собравъ волшебныя видѣньи и мечты,
Онъ кости мертвыя преобразилъ въ цвѣты;
Сухія древеса зеленостью одѣлись,
Пески зыбучіе пріятнымъ златомъ зрѣлись;
Перемѣняется во пѣсни врановъ крикъ,
И не является Днѣпровскій берегъ дикъ;
Онъ видится одѣтъ цвѣтущими коврами,
Зефиры тихіе играютъ межъ горами.
Обманывался слухъ, обманывался взглядъ,
И дебри радостный казали вертоградъ.
Когда сіи чары лукавый волфъ устроилъ,
Онъ душу адскую на время успокоилъ:
Но паче мудреца мечтами соблазнить,
Суровый видъ спѣшилъ на кроткій премѣ-
нить:
На обоянія взложивый всю надежду,
Въ бѣлѣйшую снѣговъ облекъ себя одежду,
Согбенный древностью, благочестивъ и сѣдъ,
Являлся будто бы святый Анахоретъ.
Ко старцу съ трепетомъ едва, едва под-
ходитъ
И взоры на него смиренные возводитъ,
О мужъ святый! вѣщалъ со скромностью
ему,
Ужъ скоро черна ночь преложитъ свѣтъ во
тьму;
Уже являются сребристы лунны роги,
Ко граду въ вечеръ сей не кончишь ты до-
роги:
Глубокіе прейти обязанъ ты пески,
Ты, старче, утрудженъ, твои слабѣютъ
мски.

Имѣю хижину, не возгнушайся ею,
И духъ мой услади бесѣдою твоею.
Внимая слово то, своихъ склоняетъ мысковъ
Благочестивый Киръ со путевыхъ песковъ,
Грядетъ волфу во слѣдъ пріятными цвѣтами
И услаждаетъ взоръ прекрасными мѣстами;
Въ лицѣ пустынника священну кротость зритъ,
Его привѣтствіямъ, какъ другъ, благодаритъ;
Но старца не покой, погибель ожидаетъ,
Такъ Мудрость иногда Лукавству въ сѣть впадаетъ!
Едва священный мужъ въ вертепъ его вступилъ,
Зломіръ во слѣдъ ему затворы укрѣпилъ;
Волшебствомъ приложилъ ко входу тяжкій камень,
Сокрылся. . . старца вдругъ во тьмѣ объемлетъ пламень.
Ему великіе являются зміи;
Строптиво смотритъ Киръ на ужасы сіи;
Но страхъ сугубится, казалось тартаръ зрится;
Пещера хощетъ вся со громомъ развалиться;
Трепещетъ вкругъ земля, унылый слышенъ стонъ,
Смутился бодрый Киръ и слабъ явился онъ.

Наконецъ описанія стихотворцовъ болѣе должны основываться на воображеніи, которое обыкновенно въ жару своемъ вещи то увеличиваетъ, то уменьшаетъ до безконечности, то мѣ-

шаетъ порядокъ натуральныхъ про-
изшествій, приписывая вещи то, чего
она не имѣетъ.

Отсюда произошли всѣ вымыслы,
или вымышленныя описанія. Господинъ
Херасковъ представляетъ примѣръ
вымышленнаго описанія, изображая
зиму.

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ льди-
стыхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ
взоръ,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ кристальныи со-
ставляютъ,
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ мертва молнія, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ прозрачный домъ:
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, не-
погоды,
Тамъ царствуетъ зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ временъ сестра,
Покрыта сѣдиной, является бодра,
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Бѣлѣйшею снѣговъ порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары,
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы:
Огромные столпы, изъ льда сооруженны,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами оза-
ренны,
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда громада льдовъ горитъ;
Стихія каждая бездушный видъ имѣетъ:

Ни воздухъ двигаться, ни огнь пылать не смѣетъ.
Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, сіяютъ между льдовъ
Одни замерзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода растоплена въ ущеліяхъ лучами,
Окаменѣвъ, виситъ волнистыми слоями.
Тамъ зримы кажутся вѣщаемы слова;
Но все умерщвлено, натура вся мертва;
И естьли что ни есть имѣетъ жизни свойство,
Такъ трепетъ то единъ, дрожь, блѣдность, безпокойство.
Сѣдые мразы тамъ сѣдыхъ раждаютъ чадъ;
Кудрявы инеи, метели, томный гладъ.
Развалины градовъ тамъ льды изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Стѣсненны мразами, составили снѣга
Сребристые бугры, алмазные луга;
Оттолѣ къ намъ зима державу простираетъ,
Въ поляхъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ;
И соки жизненны древесные сосетъ;
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несетъ.
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи,
И солнцу отвращать велитъ свѣтящи очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рѣки ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ,
На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ.

Что суть дѣйствія и страданія?

Дѣйствіе и страданіе есть перемѣна, которую одна вещь въ другой производитъ. Мѣсто сіе весьма употребительно, и нѣтъ обильнѣе мѣста для распространенія, какъ сіе: ибо нѣтъ вещи, которая бы не дѣйствовала, или не страдала въ природѣ. Всѣ измѣненія, всѣ феномены натуры суть взаимныя дѣйствія и страданія вещей. И потому въ натурѣ вещь не можетъ быть ни одной минуты въ покоѣ. Однако не должно обольщаться сею удобностію; а надобно избирать дѣйствія или страданія самыя важныя, означающія состояніе описываемой вещи и служащія къ предполагаемому концу. Господинъ Херасковъ описываетъ дѣйствія премудрости Божія.

Во всю вселенную крыле распространяя,
Премудрость Божія преходитъ въ край изъ края;
Не умаляется, не тратитъ силъ она,
Вездѣ равно свѣтла, вездѣ равно сильна;
И бытіе даетъ, и все одушевляетъ;
Родитъ, къ рожденію всю тварь приготовляетъ,
Она есть Божій лучь, она великій свѣтъ,
Ничто нечистое со свѣтомъ не живетъ;
Единственна она, но дѣйствуетъ во всемъ;
Она цѣла вездѣ, не рушится ничѣмъ;

Лiется на людей обильнѣй водныхъ токовъ.
Вливаетъ въ души свѣтъ и дѣлаетъ пророковъ;
И солнца и луны прекраснѣе горитъ,
Звѣздамъ даетъ законъ, сіяньи имъ даритъ;
Она Господнее дыханіе и слово,
Издревле Божество всегда во́ тваряхъ ново.

Что суть качества, или свойства?

Качества или свойства суть тѣ описанія, которыя показываютъ, какова вещь или лице въ разсужденіи внутреннихъ, или наружныхъ расположеній, въ разсужденіи нравовъ, страстей, пороковъ, добродѣтелей, словомъ, здѣсь показываются отпѣнки души, или сердца.

Является вдали, какъ новый Ешкеладъ,
Который будто бы восталъ, пресиливъ адъ.
То Князь былъ Асталонъ, онъ шелъ горѣ, подобенъ;
Сей витязь цѣлый полкъ единъ попрать удобенъ:
Отваженъ, лютъ, свирѣпъ, сей врагъ Россіянъ былъ,
Во браняхъ, какъ тростникъ, соперниковъ рубилъ.
Пошелъ въ средину онъ, покрытъ броней златою,
И палицей народъ раздвинулъ предъ собою;
Какъ гласомъ многихъ трубъ вѣщалъ Казанцамъ онъ:

Се въ помощь къ вамъ пришелъ безстрашный Асталонъ.
Я слова украшать цвѣтами не умѣю;
Но храбрость лишь одну и силу я имѣю.
При сихъ словахъ съ земли онъ камень подхватилъ,
Который множествомъ поднять не можно силъ;
Одной рукой его поставилъ надъ главою.
Кто силой одаренъ, вѣщалъ онъ, таковою?
Повергъ онъ камень сей отъ круга далеко,
И въ землю часть его уходитъ глубоко. —
Вотъ опытъ силъ моихъ, онъ рекъ, шумящь бронями,
Закроетесь моей вы грудью, не стѣнами.

Описаніе моровой язвы.

Мятежный духъ во тьмѣ кровавый мещетъ взглядъ,
На муки вѣчныя веселый взоръ возводитъ,
И матерь немощей въ предсѣніи находитъ;
Свирѣпа, пасмурна, дрожаща и блѣдна,
Тлѣтворнымъ воздухомъ питается она;
Вздохъ каждый ядовитъ, взоръ каждый смертоносенъ,
Шагъ каждый пагубенъ, и смерти самой косенъ,
Отрава изъ ея поблекшихъ устъ течетъ,
Иди въ Россію! ей Злочестіе речетъ.
Мать немощей прешедъ, какъ дымъ, мѣста подземны,
Крыле распространивъ, обвита въ кровы черны,

Сосудомъ почерпнувъ изъ черныхъ Стикскихъ водъ
Отраву смертную, болѣзней каждый родъ,
Мертвяща кажду плоть воззрѣніемъ суровымъ,
Какъ птица хищная, паритъ къ брегамъ Днѣпровымъ,
Строптивый къ Кіеву направила полетъ,
Склонила свой сосудъ, какъ дождь болѣзни льетъ.

Описаніе Рогдаева пути.

Рогдаевъ таинъ путь явите, Музы, мнѣ!
Явили. . . Мѣсто есть въ полуденной странѣ,
Высокихъ цѣпью горъ отвсюду окруженно,
И зрится горъ среди какъ въ бездну погруженно.
Подобный облаку надъ нимъ лежитъ туманъ,
Который движется, какъ бурный Океанъ.
Тамъ корень заключенъ натуры поврежденья;
Во мракѣ царствуютъ мечты и привидѣнья;
Тамъ бурей слышенъ свистъ, тамъ вѣтръ шумитъ, реветъ;
Долиной Черною урочище слыветъ.
Тамъ блѣденъ солнца свѣтъ, видна луна кровава;
Тамъ воды смертный ядъ и воздухъ самъ отрава;
Межъ горъ лежитъ земля, какъ древо внутрь коры,
Производяща тернъ и вредные пары.
Возставило престолъ въ долинѣ Суесвятство,
Его сообщники: Грабежъ, Обманъ и Татство.

Что называется изчисленіе частей?

Изчисленіе называется такое описаніе вещи, гдѣ вычисляются части съ приличными имъ обстоятельствами. Въ Поэмѣ *Владимірѣ* Господинъ Херасковъ прекрасное дѣлаетъ описаніе Ада отъ изчисленія частей.

Ему глубокая въ туманѣ бездна зрима,
Обширностью своей она неизмѣрима;
Кругомъ великаго пространства изваянъ
Зіяетъ пламенемъ горящій Океанъ;
Изъ мрака вѣчнаго сложились тверды своды,
Погибшихъ навсегда лишающи свободы;
Тамъ нѣкій тусклый свѣтъ простерся по земли,
Подобный зареву, свѣтящему вдали:
Но темный оный свѣтъ не зрѣніе прельщаетъ,
Лишь только ужасы Геенски ощущаетъ.
Отчаяніе тамъ, терзающе власы,
Клянетъ текущіе въ мученіяхъ часы;
Тамъ скука царствуетъ, склонивъ чело въ колѣни,
Повсюду царствуютъ тоскующія тѣни,
И грѣшнымъ ихъ грѣхи изображаетъ ядъ,
Грызеніе совѣсти лютѣйшій самый Адъ;
Тамъ дышущая грусть, одушевленны страхи;
Тамъ въ вихряхъ грѣшники вращаются, какъ прахи;
Со пламеннымъ бичемъ ужасна Месть видна,
Змѣями хищными увѣнчана она,

Подобны молніямъ повсюду взоры мещетъ,
Весь воздухъ стонетъ вкругъ, земля подъ ней трепещетъ,
Какъ черная смола въ ней кровь, въ ней кровь кипитъ,
Все кроетъ смертный сонъ, но Мщеніе не спитъ;
Чревато злобами, и день и ночь страдаетъ;
Рожденно зло отъ ней золъ тысящи раждаетъ.
Изчадія сіи разсыпались, какъ градъ,
По безднѣ рѣются и грѣшниковъ разятъ.
Не дремлющи во вѣкъ, во вѣкъ они не праздны.
Мученья грѣшникамъ изобрѣтаютъ разны.

Господинъ Ломоносовъ, описывая домъ Нептуновъ, размножаетъ мѣсто въ своей Поэмѣ отъ изчисленія частей:

Столпы вокругъ его огромные кристаллы,
По коимъ обвились прекрасные кораллы;
Главы ихъ сложенны изъ раковинъ витыхъ,
Превосходящихъ цвѣтъ дуги межъ тучь густыхъ,
Что кажетъ, укротясь, намъ громовая буря,
Помостъ изъ асписа и чистаго лазуря;
Палаты изъ одной изсѣчены горы;
Въ верьху подъ чешуей великихъ рыбъ бугры,
Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ
Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ;
Тамъ тронъ жемчугами усыпанный янтарь.

Къ сему мѣсту причислить можно родъ и виды. Родъ есть подобіе вещей,

или такое свойство, которое прилично бываетъ многимъ вещамъ, и бываетъ общимъ, или нарицательнымъ ихъ именемъ. Виды суть тѣ самые вещи, которыя подъ нимъ заключаются.

Господинъ Херасковъ въ Поэмѣ своей *Россіадѣ*, говоря о явленіи при гробницахъ Сумбеки, изчисляетъ виды пороковъ.

Уже въ печальную она долину входитъ,
На гробы царскіе смущенный взоръ возводитъ:
Унылость у гробницъ, потокомъ слезъ ліясь,
Сидяща зрится тамъ, на гробъ облокотясь;
Тоска главу свою на грудь печальну клонитъ,
И въ томномъ шествіи повсеминутно стонетъ;
Раскаяніе грудь свою разяще тамъ,
Терзающе власы, является очамъ;
Тамъ Пышность на себя съ отчаяньемъ взираетъ,
И мнится каждый часъ съ Царями умираетъ;
Къ лежащей Гордости свирѣпый змій ползетъ,
И внутреннюю ея терзаетъ и грызетъ;
Тамъ рвется узами окованна Кичливость;
Подъ каменемъ лежитъ, стеня, Несправедливость;
Всечасно видимы тамъ всѣ пороки тѣ,
Которые Цари творили въ животѣ:

Неправедна война, забвенье вѣрной службы,
Презрѣнье къ сиротамъ и нарушенье дружбы;
Тамъ горесть мучитъ ихъ, тоска, и зной
и хладъ *и проч.*

Въ другой Поэмѣ своей *Владиміръ*, описывая богиню Лжесвятость, изчисляетъ виды пороковъ.

Очамъ Рогдаевымъ явилася Богиня,
Какъ будто полная сквозь лѣсъ густой Луна;
Глаза осенними казались облаками,
Власы простерлися извитыми зміями;
Двѣ брови на челѣ, какъ двѣ дуги, сошлись,
Поблеклые уста смыкались и тряслись,
На ней сплетенное изъ мрежи одѣянье
Производило свѣтъ, какъ сѣверно сіянье;
Скрывая тысящи ехидныхъ въ сердцѣ жалъ,
Въ десницѣ держитъ пальмъ, въ другой рукѣ
кинжалъ.
Престолъ, багровыми обвѣшенный коврами,
Казался быть семью сліянными горами;
Хоть древность лѣтъ чертитъ развалины
на нихъ,
Но суемудріе заглаживаетъ ихъ.
Подобный въ темну ночь мелькающей зарницѣ
Былъ тройственный вѣнецъ на гордой сей
Царицѣ;
Но сей вѣнецъ имѣлъ поблеклые листы,
Стоящи вкругъ ее угрюмые посты;
Не тѣ смиренные посты благоугодны,
Которы Ангельской безпищной жизни сродны,
Но кои агничьи едины виды суть,

Наружностью другихъ хотящи обмануть.
Тамъ мразы низкіе въ окружности престолы,
На коихъ возсѣдятъ невѣжества, расколы,
Слѣпый и мрачный страхъ, пронырство, хитрость, ложь;
И сонмище другихъ царицыныхъ вельможъ.
Ликуетъ лицемѣръ, ликуетъ льстецъ лукавый;
Во узы заключенъ единъ разсудокъ здравый.
Коварство, мрачныя потупивъ очеса,
Не смѣетъ, кажется, взглянуть на небеса,
Но ближняго, какъ змій, своимъ языкомъ жалитъ,
Питаетъ въ сердцѣ адъ, устами кротость хвалитъ.
Всечастный тамъ раздоръ, какъ бурный вѣтръ шумитъ,
Перуномъ пламеннымъ проклятіе гремитъ;
Тамъ зависть, клевета, соблазны, наущенье,
Предательство, татьба, насильство, злоба, мщенье,
Составивъ цѣпь изъ рукъ, престолу предстоятъ,
Отрава ихъ слова, отрава каждый взглядъ.
Евангеліе тамъ священное зерцало
Имѣетъ на себѣ густое покрывало,
Людскія прѣнія, какъ будто нѣкій дымъ,
И толки буйные спираются надъ нимъ,
Тамъ прячутся во тьмѣ житейскія прохлады,
Завѣсой служатъ ей нелѣпые обряды;
Тамъ груды видимы и вервей и веригъ;
Тамъ кучи праздныхъ словъ и горы вздорныхъ книгъ.

Отяготило бы вселенну оныхъ бремя,
Когда бы книгъ такихъ не похищало время.
Орудій смертныхъ весь наполненъ сей чертогъ;
И самъ представленъ тамъ немилосердымъ Богъ.

Что суть обстоятельства?

Обстоятельства суть такія произшествія, которыя съ дѣйствіемъ, или страданіемъ, или сопряженны были, или предшествовали имъ, или за ними слѣдовали непосредственно. Они весьма способствуютъ для высокаго, открывая всякую вещь въ собственномъ ея видѣ.

Господинъ Херасковъ, описывая Чесменской бой, представляетъ предъ глаза всѣ обстоятельства онаго.

Колико вижу тамъ въ сраженіи людей,
Толико видомъ зрю различныхъ тамъ смертей.
Иной узрѣлъ свою рѣшительну судьбину,
Онъ видитъ самъ себя едину половину;
Лишенъ обѣихъ ногъ, еще онъ возстаетъ,
Къ его спасенію текущимъ вопіетъ:
Въ покоѣ умирать, друзья, меня оставьте!
Не мнѣ, отечеству себя услугой ставьте;
Иной, имѣючи разверсту ранми грудь,
Разитъ кругомъ враговъ, текущь за смертью въ путь;
Иной, уже покрытъ завѣсой смертной тѣни,

Съ оружіемъ въ рукахъ валится на колѣни;
И ужасъ вкругъ его является вотще,
Онъ за отечество сражается еще.
Иныя сладости сна смертнаго вкушаютъ,
И лицъ спокойствіемъ живущихъ утѣшаютъ;
Иной же на своихъ оружьяхъ онѣмѣвъ,
Остаточный въ лицѣ изображаетъ гнѣвъ.
Тотъ, рану захватя единою рукою,
Разитъ своихъ враговъ, и мещетъ громъ другою;
Иной со корабля безгласенъ въ море палъ
Явить, что смерти онъ шага не уступалъ;
Тамъ руки плаваютъ съ кровавыми мечами,
Катятся тамъ главы съ отверстыми очами,
Какъ будто съ тѣмъ они желали умереть,
Чтобъ имъ свирѣпу брань по смерти еще зрѣть.

Что есть опредѣленіе?

Опредѣленіе есть описаніе какого ни есть лица или вещи, посредствомъ вычисленія въ видѣ опредѣленія, свойствъ, дѣйствій, страданій, обстоятельствъ, пособій вещи. Философское опредѣленіе называется, гдѣ показывается родъ и отличіе вещи. Искусство здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы представить и соблюсти одни необходимыя черты опредѣляемой вещи.

Въ то время фурія, паляща смертныхъ кровь,
Рожденная во тьмѣ развратная любовь,

Которая крушитъ и мучитъ человѣковъ,
Слывуща нѣкогда Кипридою у Грековъ,
Не та, которая вселенной въ юныхъ дняхъ
Отъ пѣны сребренной родилася въ волнахъ;
Сія союзъ вещей на свѣтѣ составляетъ,
Другая рушитъ все, все портитъ, разстравляетъ.
Такою былъ Ираклъ къ Омфалѣ распаленъ,
Такой Пелеевъ сынъ предъ Троей ослѣпленъ;
На Ниловыхъ брегахъ была такая зрима.
Когда вздыхалъ на нихъ преобразитель Рима;
Въ очахъ ея покой, въ душѣ ея война,
И только вздохами питается она,
Тоской мучительной и плачемъ веселится,
Развратныхъ ищетъ душъ, алкая въ нихъ вселиться.
Есть ли еще какія мѣста изобрѣтеній?

Есть еще другія, кои болѣе служатъ къ украшенію, нежели къ распространенію слова. Іе подобіе, когда двѣ вещи одна другой уподобляются въ дѣйствіяхъ, свойствахъ, страданіяхъ и другихъ принадлежностяхъ. Примѣръ сего находится въ Поэмѣ *Россіадѣ*, гдѣ Господинъ Херасковъ описываетъ бѣдствіе Россіи слѣдующимъ образомъ:

Но какъ Россійскіе Ираклы ни сражались,
Главы у Гидры злой всечасно вновь раждались,
И жалы отостривъ въ глухихъ мѣстахъ свои,

Вползали паки въ грудь Россіи тѣ зміи.
Драконова глава лежала сокрушенна,
Но древняя злоба была не потушенна;
Подъ пепломъ крылся огнь и часто возгаралъ,
Во смутны Россовъ дни онъ силы собиралъ;
Неукротимыхъ Ордъ воскресла власть попранна
Во время юности втораго Іоанна.
Грызомая внутри болѣзнью всеминутной:
Казалася Москва водѣ подобна мутной;
Которая, лишась движеній и прохладъ,
Густѣетъ, портится и зараждаетъ ядъ.
Народъ отчаянный, гонимый, утомленный,
Какъ будто въ Этнѣ огнь внезапно воспаленный,
Лѣсистые холмы, густыя древеса,
Съ поверхности горы бросаетъ въ небеса—
Народъ, возволновавъ, тогда при буйствѣ яромъ,
Отъ искры наглый бунтъ великимъ сталъ пожаромъ.

Піиты весьма краснорѣчиво разумножаютъ описанія свои отъ важныхъ произшествій и обстоятельствъ того времени, въ которое случается дѣйствіе или страданіе описываемой вещи. Господинъ Херасковъ, изображая ночное шествіе Кифара, говоритъ:

Хаоса древняго задумчивая дочь,
Желѣзной скипетръ свой уже простерла ночь;

Покровъ раскинула, звѣздами испещренный,
Вступила міра въ храмъ, отвсюду растворенный,
Сіяетъ блѣдная въ челѣ ея луна,
И сыплетъ маковы цвѣты изъ рукъ она.
Какъ бурные валы другъ въ друга ударяютъ,
Одни раждаются, другіе умираютъ:
Такъ разновидныя мечтанія и сны
Раждаются и мрутъ, толпясь кругомъ луны.
Сіе небесное унылое свѣтило
Янтарны очеса на Кіевъ обратило,
Сребристый блескъ луны сіяетъ межъ древесъ,
Одѣлся мраками лазурный сводъ небесъ,
Открылась бездна звѣздъ и неба безконечность.
Не спитъ едино зло, но сладко спитъ безпечность!

Въ другомъ мѣстѣ описываетъ утро.

Червленная заря румянитъ сводъ небесъ,
Вершины горъ крутыхъ дремучій краситъ лѣсъ,
Спускаясь на поля, туманъ рѣкой ложится,
Златыми башнями Херсонъ свѣтящій зрится.
Но смутный нѣкій видъ пріемлютъ небеса,
Простерлась по травѣ кровавая роса;
Стадами на поля слѣтались враны черны,
Багровый тускъ покрылъ луга, потоки, терны.

О слогѣ.

Способъ, выражать свои мысли, называется слогомъ. Всякъ изъясняетъ

свои мысли свойственнымъ ему образомъ. Отсюду происходитъ то безконечное различіе, которое мы находимъ въ сочиненіяхъ. Всякъ въ своемъ сочиненіи предполагаетъ цѣль, которой достигнуть желаетъ, и къ которой относя всѣ свои слова и мысли, даетъ словамъ своимъ такой тонъ, который отличаетъ его отъ другихъ сочиненій. Цѣль, предполагаемая сочинителями, бываетъ троякая: научить, усладить, тронуть.

Чтобы удачно достигнуть цѣли, должно заняться прежде описываемою матеріею: ибо сіе разсужденіе покажетъ, какую цѣль предположить должно, и какое искусство употребить долженъ сочинитель къ достиженію оной. Естьли предметъ слова требуетъ только подать другому ясное понятіе о вещи, оставить въ памяти его на долго сообщаемое произшествіе, представить простыя доказательства, словомъ, естьли требуется только научить: то къ сему достаточно простое естественное слово; а сей родъ сочиненія извѣстенъ подъ именемъ простаго слога. Естьли же описываемый предметъ заслуживаетъ

болѣе вниманія; если нужно не только дать ясное понятіе о немъ, но убѣдить и увѣрить другаго, соединяя убѣжденіе съ пріятностію краснорѣчіемъ и чистотою слога: въ такомъ случаѣ сіе сочиненіе называется слогомъ посредственнымъ. Наконецъ, когда предметъ слова будетъ важный, необыкновенный, занимательный: то, говоря о таковомъ предметѣ, должно употреблять все краснорѣчіе, величественныя и благородныя мысли, сильныя и отважныя выраженія, представлять живыя и разительныя картины, которыя трогаютъ сердце, возвышаютъ душу, исполняя ее удовольствіемъ, удивленіемъ и исступленіемъ. Сей слогъ называется высокимъ.

О СЛОГѢ ПРОСТОМЪ.

Что есть простой, или низкой слогъ?

Слогъ простой или низкой есть простое натуральное краснорѣчіе, весьма мало отличающееся отъ простыхъ обыкновенныхъ разговоровъ. Естественная простота, нѣжность, тонкая природная острота, невинныя пріятности, въ самой красотѣ обнаружи-

вающія простую Природу, составляютъ совершенство сего слога. Здѣсь не видно Піитическихъ фигуръ, ни блестящей и живой красоты, ни высокихъ описаній: словомъ, искусство здѣсь сокрыто, а говоритъ его языкомъ Природа.

Господинъ Державинъ представляетъ превосходные образцы во всякомъ родѣ.

Ода къ Меркурію можетъ послужить образцомъ простаго слога.

Почто меня отъ Аполлона,
Меркурій! ты ведешь съ собой,
Средь пышнаго торговли трона,
Мнѣ кажешь ворохъ золотой?
Сбирать, завидовать измлада
Я не привыкъ и не хочу.
Богатство ль старику награда?
Давно съ презреньемъ я топчу
Его всю прелесть равнодушно.

Коль я здоровъ, хлѣбъ соль имѣю
И данъ мнѣ даръ судьи, пѣвца,
И челобитчиковъ я смѣю
Встрѣчать съ передняго крыльца
И къ небогатому богатый
За нуждою ко мнѣ идетъ
За храмъ — мои просты палаты,
За золото — солому чтетъ:
На что же мнѣ твоя излишность?

Но, ахъ! я естьли сталъ послушенъ
Тебѣ, мой вождь и Богъ златой:
То будь и ты великодушенъ
И мой не отними покой,
Но хлопотать когда престану,
Весь день бывъ жертвой и игрой
Среброчешуйну Океану,
Позволь, какъ грянетъ громъ, домой
Пришедшему обнять мнѣ Музу.

Да вмѣсто Виста и Бостона
Я съ ней на лирѣ порѣзвюсь;
Монарша, Божеска закона,
Суда и правды поучусь.
Не дамъ волкамъ овечки скушать,
А ты, коль хочешь одолжить,
Приди моей сей пѣсни слушать,
Посеребрить, позолотить
Мою трубу ЕКАТЕРИНѢ. —

О слогѣ шуточномъ.

Слогъ шуточной причисляется къ низкому. Онъ обыкновенно бываетъ просторѣе, естественнѣе и забавнѣе. Примѣромъ сего послужить можетъ слѣдующая Ода:

Хочу къ Безсмертью пріютиться,
Нанять у славы уголокъ;
Сквозь кучу риѳмачей пробиться,
Связать изъ мыслей узелокъ;
Хочу сварганить кой-какъ Оду,
И выкинуть такую моду,

Чтобъ былъ не надобенъ Пегасъ,
Ни Аполлонъ, дитина строгой;
Хочу проселочной дорогой
На долгихъ ѣхать на Парнасъ.

Горшки не Боги жь обжигаютъ,
А мнѣ кто не велѣлъ строчить?
Ну! право насъ не лучше знаютъ,
Какъ строчку рифмой завострить.
Мы также въ модахъ здѣсь живали,
И всякихъ молодцовъ видали,
Видали Оды на заказъ;
На взглядъ, такъ разныя въ нихъ штуки,
Анъ разбери-ка, взявши въ руки,
То врядъ поставятъ чище насъ.

Ну, что жь? за чѣмъ же дѣло стало?
На прикладъ кинемся къ Богамъ,
Вить въ Панѳіонѣ ихъ не мало,
Притараканимъ-ка ихъ къ намъ.
Пускай Полимнія и Кліо
Съ Евтерпой пропоютъ намъ тріо,
Клотона, Лахеза дуэтъ:
Пусть Вакхъ царапнетъ до обѣда;
Венера, Марсъ, Юпитеръ, Леда
En quatre пусть дернутъ минуэтъ.

Велимъ, поворотя оглобли,
Рѣкѣ Алфею течь назадъ;
А чтобъ Эака сбросить съ кровли,
Велимъ Ираклу ѣхать въ адъ.
Пусть Момъ словъ острыхъ пять шесть
скажетъ,

Отъ вѣтровъ станетъ пыль столбомъ,
Бореи, Аквилоны, Ноды,
Всѣ эти дутики уроды,
Пускай въ верьхъ опрокинутъ домъ. —

Съ Богами какъ не будетъ мочи,
Съ Олимпа лыжи навострю,
И вылупя ясныя очи,
Въ Исторію я посмотрю;
Прильнувъ на часъ къ Семирамидѣ,
Въ Египтѣ окунясь въ Меридѣ,
Скажу, что есть у Крымцовъ Ханъ,
Сочту подушны въ Римѣ сборы,
По томъ замѣчу: какъ Ефоры
Тузили, гладили Спартянъ.

Двойные заплатя прогоны,
Наймемъ копѣйныхъ на часокъ;
И новы вздумавъ забабоны,
Героевъ примемъ за високъ.
Сберемъ ихъ цѣлою толпою,
Чтобъ Сципіонъ, явяся къ бою,
На Аннибала наплевалъ;
Помпея Цезарь въ ухо хлопнулъ,
Отъ Александра Дарій лопнулъ,
Ахиллъ туза Гектору далъ.

Взявъ въ руки посохъ и свирѣлку,
А за поясъ заткнувъ дуду,
Читателя ужъ на отдѣлку
Въ Аркадію я поведу,
Въ луга и средь зимы неснѣжны,
Гдѣ всѣ сердца, какъ мякишъ, нѣжны

Узетятъ сельска простячка,
Какъ онъ изъ Леты тянетъ крушкой
И пляшетъ горюна съ пастушкой;
Иль голубца, или бычка.

Тамъ пусть читатель мой замѣтитъ,
Пускай зарубитъ на носокъ,
Что солнушко тамъ ясно свѣтитъ,
И улетаетъ за лѣсокъ.
На пастуховъ смотря Аврора,
Какъ сурикъ рдѣется съ задора
На дюжій молодецкій жаръ,
По пальцамъ сласти ихъ щитаетъ,
Денечки прежни вспоминаетъ,
И тужитъ, что Титонъ ужъ старъ.

Быть можетъ, не всему я міру,
Набрякавъ Оду, угодилъ:
Да нада вѣдать, что вить лиру
Я у носячека купилъ;
Иной на рынкѣ лиръ не купитъ,
А также таки Оды лупитъ,
И какъ же нашъ братъ грамотѣй:
Пожалуй не судите строго,
Вить Ломоносовыхъ не много,
Другіе ходятъ всѣ съ жлудей.

Низкой слогъ, подражая натуральной рѣчи, употребляется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ матеріею сочиненія бываетъ что нибудь весьма близкое къ разговорамъ ежедневнымъ. Онъ случается обыкновенно въ разговорахъ,

Комедіяхъ, Исторіяхъ, Басняхъ, письмахъ, ученыхъ трактатахъ. Отсюда, въ разсужденіи своего предмета, называется онъ слогомъ разговорнымъ, историческимъ, письменнымъ, философическимъ.

О СРЕДНЕМЪ СЛОГѢ.

Что есть средній слогъ?

Средній, или умѣренный слогъ, есть рѣчь красивая, изобилующая благородными и нѣжными мыслями, пріятными описаніями, удачными оборотами словъ, новыми и отличными выраженіями, пріятными метафорами, остроумными сравненіями. Сообразно предлагаемой цѣли, которая есть плѣнить сердце слушателя посредствомъ ума и воображенія невосхищеннаго, но пріятно очарованнаго сладостію, — въ семъ слогѣ употребляются всѣ цвѣты пріятнаго краснорѣчія: живыя и трогательныя картины, многочисленные періоды, плавкость теченія, нѣжныя и сладкія чувствованія, изрядство фигуръ, блескъ метафоръ, сіяніе мыслей. При всей своей силѣ, красотѣ и испещренности, онъ подобенъ тихо-текущей рѣкѣ, которая катитъ

чистыя и прозрачныя струи свои, въ тѣни прозрачной рощи, и пріятнымъ журчаніемъ своимъ услаждаетъ слухъ и чувства покоющихся. Всѣ сочиненія, гдѣ сердце трогается красотою слова, гдѣ тихія страсти при чтеніи производятъ въ немъ пріятныя ощущенія; — всѣ таковыя сочиненія причислить можно къ роду среднему. Примѣромъ сего слога служить можетъ. Ода Господина Державина *благодарность Фелицѣ.*

Предшественница дня златаго,
Весення утренния заря,
Когда изъ понта голубаго
Ведетъ къ намъ звѣзднаго Царя,
Румяный взоръ свой осклабляетъ
На чела горъ, на лоно водъ;
Багрянымъ златомъ покрываетъ
Поля, лѣса и неба сводъ.

Крылаты кони по эѳиру
Летятъ и разсѣкаютъ мракъ;
Любезное свѣтило міру
Пресвѣтлый свой возноситъ зракъ;
Бѣгутъ толпами тѣни черны,
Какое зрѣлище очамъ!
Тамъ блещетъ брегъ въ рѣкѣ зеленый,
Тамъ свѣтятъ перлы по лугамъ. —

Тамъ степи, какъ моря, струятся,
Сѣдымъ волнуясь ковылемъ;
Тамъ тучи лебедей стадятся,
Валторнъ съ высотъ пуская громъ;
Тамъ небо всюду лучезарно
Янтарнымъ пламенемъ блеститъ:
Мое такъ сердце благодарно
Къ Тебѣ усердіемъ горитъ.

Къ Тебѣ усердіемъ, Фелица!
О кроткій Ангелъ во плоти!
Который разумъ и десница
Намъ кажутъ къ щастію пути.
Когда тебѣ въ нелицемѣрномъ
Угодна слогѣ простота,
Внемли!... но въ чувствіи безмѣрномъ
Мои безмолствуютъ уста.

Когда по верьхъ струистой влаги
Благопріятный дунетъ вѣтръ,
Попутны вострепещутъ флаги
И ляжетъ между водныхъ нѣдръ
За кораблемъ сребро грядою,
Тогда испустятъ гласъ пловцы,
И съ восхищенною душою
Вселенной полетятъ въ концы.

Когда небесный возгорится
Въ Піитѣ огнь, онъ будетъ пѣть;
Когда отъ должности случится
И мнѣ свободный часъ имѣть,
Я праздности оставлю узы,
Игры, бесѣды, суеты,

Тогда ко мнѣ пріидутъ Музы
И лирой возгласишься Ты!

Слогъ сей свойственъ болѣе Оратору, нежели Стихотворцу: отъ чего и названіе свое риторическаго слога (stylus Oratorius) часто получаетъ. Симъ слогомъ пишутся Панегирики, диссертаціи, поучительныя рѣчи, Трагедіи и другія Эпическія стихотворенія.

О ВЫСОКОМЪ СЛОГѢ.

Что есть высокій слогъ?

Высокій слогъ есть краснорѣчіе сильное, обильное и стремительное. Рѣчь, написанная симъ слогомъ, исполнена возвышенными и отважными мыслями, изступительными страстьми, блистательными составленіями фигуръ, благородными слововыраженіями и величественными словорасположеніями. Таковое сочиненіе движетъ, колеблетъ, возвышаетъ выше самой себя душу нашу, дѣлаетъ впечатлѣніе, коему никакъ противиться не возможно, коего воспоминаніе погаснетъ развѣ съ одними чувствами. Сей слогъ одинъ свойственъ Генію Стихо-

творца. Едва ли чей духъ возвышался когда до такой степени величія, до какой достигъ Геній Господина Державина. Нѣтъ нигдѣ таковой картины величественной, какова представляется въ слѣдующихъ стихахъ:

Ведетъ — о зрѣлище прекрасно!
Гдѣ, прямовѣрностью горя,
Готово войско въ брань безстрашно!
Встаетъ межь имъ любезна пря!
Всѣ движутся на смерть послушно,
Но не хотятъ великодушно
Итти за вождемъ назади;
Сверкаютъ копьями, мечами,
Какъ холмъ объемляся волнами,
Идетъ онъ съ шумомъ впереди.

Ведетъ — въ пути непроходимомъ,
По темнымъ дебрямъ, по тропамъ;
Подъ заревомъ, отъ молньи зримомъ,
И по бѣгущимъ облакамъ.
День — ночь ему среди тумановъ;
Ночь — день отъ громовыхъ ударовъ,
Несется въ бездну по верьвямъ,
По камнямъ лезитъ въ верьхъ изъ бездны;
Мосты ему дубы зажженны;
Плыветъ по скачущимъ волнамъ.

Ведетъ — подъ снѣгомъ, вихремъ, градомъ,
Подъ ужасомъ природы всей,
Встрѣчается впреди и рядомъ
На каждомъ шагѣ съ тьмой смертей.

Отвсюду окруженъ врагами;
Водой, горами, небесами,
И воинствомъ противныхъ силъ.
Вблизи падутъ со трескомъ холмы;
Вдали тамъ гулы, ропщутъ громы,
Скрежещетъ блѣдный голодъ въ тылъ!

Ведетъ — и нѣкая громада,
Гигантъ возсталъ предъ нимъ въ пути;
Главой небесъ, ногами ада
Касаяся, претитъ итти;
Со ребръ его шумятъ внизъ рѣки;
Предъ нимъ мелькаютъ дни и вѣки,
Какъ вкругъ волнующійся паръ;
Ничто его не колебаетъ,
Онъ громъ и бури презираетъ,
Нахмурясь, смотритъ Сеньготаръ —

А тамъ волшебница сѣдая
Лежитъ на высотѣ холмовъ,
Дыханьемъ солнце отражая,
Блеститъ вдали огнями льдовъ,
Которыми одѣта зрится:
Она на всю природу злится,
И въ страшныхъ инистыхъ скалахъ,
Нависнутыхъ снѣговъ слоями
Готова задавить горами,
Иль въ хладныхъ задушить кохтяхъ.

А тамъ, невидимой рукою,
Простертое съ холма на холмъ
Чудовище, какъ мостъ длиною,
Рыгая дымъ и пламень ртомъ.

Бездонну челюсть отверзаетъ,
Въ единый мигъ полки глотаетъ,
А тамъ пещера черна спитъ,
И смертнымъ мракомъ взоры кроетъ,
Какъ бурею гортанью воетъ,
Предъ ней отчаянье сидитъ.

Пѣснь его на побѣды К. И. Г. Суворова-Рымнинскаго не меньше величественную представляетъ картину возвышеннаго духа.

Пошелъ — и гдѣ пристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ.
Поля и грады — стали гробы,
Шагнулъ и царство покорилъ!
О Россъ! о подвигъ Исполина!
О всемогущая жена,
Безсмертная ЕКАТЕРИНА!
Куда? — и что еще? — Уже полна

Великихъ Вашихъ дѣлъ вселенна,
Какъ ночью звѣздъ, стеня, по небу протяженна,
Дѣяній Вашихъ цѣпь въ потомствѣ возблеститъ
И мудрыхъ удивитъ.

Ужъ Ваши имена,
Труды, побѣды, торжествы не скроютъ времена;
Какъ молньи быстрыя вкругъ міра будутъ течь;
Полсвѣта очертилъ блистающій Вашъ мечь.

И славы громъ,
Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ споровъ
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ —

Прокатится, пройдетъ,
Промчася, прозвучитъ,
И въ вѣчность возвѣститъ,
Кто былъ Суворовъ:
По бранямъ Александръ, по доблести Циникъ,
Въ себѣ ихъ совмѣстилъ, и въ обоихъ великъ!

Черная туча мрачныя крыла,
Съ цѣпи сорвавъ, воздухъ покрыла,
Вихрь полуночный летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль,
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы — горы трещатъ;
Ляжетъ на море — бездны кипятъ;
Граду коснется — градъ упадаетъ;
Башни рукою за облакъ бросаетъ.
Дрогнетъ природа, блѣднѣя, предъ нимъ;
Слабыя трости щадятся лишь имъ.
Ты ль Геркулесъ нашъ новый полночный,
Бурѣ подобный, быстрый и мочный,
Твой ли, Суворовъ, сей образъ побѣдъ?
Трупы враговъ и лавры твой слѣдъ!
Кѣмъ ты когда бывалъ побѣждаемъ?
Все ты всегда вездѣ превозмогъ!
Новый трофей твой днесь созерцаемъ:
Чуждый Король, тронъ и чертогъ

Въ твоемъ полону! — Ужасъ ты злобнымъ,
Кто былъ Царицѣ непокорнымъ!

Есть еще высокое другаго рода, которое нынѣшніе Риторы называютъ высокимъ въ чувствованіяхъ (le ſublime des ſentimens) и высокимъ въ мысляхъ (le ſublime de penſées). Высокое въ чувствованіяхъ называется героизмъ души, который имѣетъ основаніемъ или высокую добродѣтель, удивляющую благородными съ слабымъ естествомъ человѣка невмѣстимыми свойствами; или, происходя отъ злонравія, показываетъ злость сердца въ высочайшей степени. Высокое въ мысляхъ, представляя живо великій предметъ воображенію нашему, раждаетъ въ душѣ уваженіе, смѣшанное съ изступленіемъ. Такіе предметы суть: необозримыя долины, безпредѣльный Океанъ, сводъ неба, утесы, громы, молніи, водопады, всѣ ужасы природы.

Слогъ сей употребляется, гдѣ описывается предметъ чрезвычайный, гдѣ бываетъ мысль необыкновенная, страсть дѣйствуетъ изступительная, дѣяніе повѣствуется героическое: и по сему онъ болѣе всего свойственъ Одамъ и торжественнымъ Пѣснямъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О РОДАХЪ ПОЭЗІИ.

Цѣль Стихотворца есть наставить, усладить, тронуть. Различіе предметовъ и временъ, характеръ народовъ, несходство мнѣній о вещахъ, разныя состоянія души дѣлаютъ то, что достигнуть цѣли сей не возможно однимъ способомъ; а особливо, что и цѣль бываетъ иногда только наставить, иногда усладить, иногда тронуть. Иной не иначе можетъ почувствовать истину, увѣриться въ справедливости ея, какъ только важными и хладнокровными аргументами; другаго болѣе научаетъ шутка остроумная Скаррона, нежели важный тонъ Платона. И сей самой въ другое время, въ другихъ обстоятельствахъ, въ другомъ расположеніи души своей болѣе оскорбился бы рѣдкостію сатиры, нежели исправился. И такъ есть ли въ наставленіяхъ при доказательствахъ столько различія: то не льзя исчислить никакъ уже того безконечнаго множества вкусовъ, которые бываютъ въ изящномъ и пріятномъ.

Но природа болѣе всего опредѣляетъ тонъ писателя. Кто родился съ характеромъ забавлять и смѣяться: тотъ никогда не возвысится до Ломоносова. Сіи - то различные тоны, произшедшіе или отъ самыхъ предметовъ, или отъ свойства писателей, или отъ другихъ какихъ причинъ произвели разные роды Поэзіи.

О ПОЭМѢ.

Піитическія сочиненія, или Поэма, раздѣляется во первыхъ на двѣ части: на Поэму Эпическую и Драматическую.

Эпическая Поэма есть повѣсть, въ которой Стихотворецъ говоритъ самъ, не вводя другихъ лицъ, и по сему къ ней относятся Оды, Сатиры, Идилліи, Эпиграммы и всѣ прочія сочиненія, гдѣ Піитъ болѣе самъ, никому не влагая въ уста своей рѣчи, повѣствуетъ.

Драматическая Поэма называется, гдѣ Стихотворецъ, влагая рѣчь свою въ уста другимъ, выводитъ ихъ на зрѣлище: — что бываетъ въ Трагедіи и Комедіи. Между Эпическими сочиненіями самое большое и самое важ-

нѣйшее произведеніе стихотворческаго Генія называется по преимуществу своему именемъ своего рода, то есть, Поэмою Эпическою.

Эпическая Поэма есть повѣсть, описываемая Стихотворцемъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ произвесть удивленіе и возбудить въ душѣ другихъ любовь къ добродѣтели, представляя дѣйствіе героя, покровительствуемаго небомъ, который по многимъ препятствіямъ достигаетъ наконецъ къ исполненію великаго намѣренія. Изъ опредѣленія сего видно, что въ Поэмѣ должны быть три главнѣйшія основанія: дѣйствіе, нравоученіе и стихотворство.

О ДѢЙСТВІИ.

Піиты раздѣляютъ дѣйствіе на двѣ части, или оно слишкомъ длинно и несоединенно: въ одной Герой самъ повѣствуетъ свои приключенія, въ другой Піитъ описываетъ, что съ нимъ послѣ приключилось.

Дѣйствіе въ Поэмѣ должно быть величественное, единое, цѣлое, удивительное и имѣющее нѣкоторое продолженіе времени.

Дѣйствіе должно быть величественное.

Возбудить удивленіе и тронуть сердце человѣка, кромѣ великаго, необыкновеннаго ничто не можетъ. Чѣмъ необыкновеннѣе предметъ, тѣмъ болѣе слабость человѣческая плѣняется имъ.

Писатель, желая изобразить добродѣтель въ высочайшей степени, и заставить удивляться ей, представляетъ Героя, который предпріемлетъ дѣйствіе выше силъ человѣческихъ. — Такимъ образомъ первый Эпическій нашъ Стихотворецъ представляетъ Государя-Героя, который, тронувшись нещастіемъ угнѣтеннаго отечества, водимый духомъ благочестія, подкрѣпляемый силою свыше, оставляетъ узы праздности и нѣги, предпріемлетъ многотрудные подвиги, побѣждаетъ всѣ препоны, которыя поставляли ему отдаленный путь, положеніе мѣстъ, сильный непріятель, обстоятельства времени. Побѣдить трудности сіи, утвердить щастіе народа, возвысить славу отечества, на развалинахъ идолослуженія возстановить благочестіе и вѣру, есть дѣй-

ствіе преславное, величественное, Божественное.

Дѣйствіе должно быть простое, единое. —

Порядокъ и единство предмета всегда болѣе намъ нравится, нежели смѣсь чудныхъ произшествій, кои страннымъ разнообразіемъ упруждаютъ вниманіе. По сей причинѣ въ Поэмѣ описываться должна не исторія и не цѣлая жизнь Героя, но представляется повѣсть знаменитаго и великаго одного какого дѣйствія: ибо жизнь самаго великаго человѣка представляетъ странную смѣсь страстей противу-положенныхъ; изобразить ее, значило бы представить картину безъ порядка и безъ связи.

О ВВОДНЫХЪ ПОВѢСТЯХЪ, или *ЭПИЗОДАХЪ*.

Стихотворство подобно живописи. Вводныя повѣсти въ ней могутъ быть тѣмъ, что тѣнь на картинѣ. Онѣ ни мало не мѣшаютъ, но еще болѣе украшаютъ главное дѣйствіе: только бы всѣ имѣли тѣсную связь съ онымъ. Обыкновенно цѣль дѣйствія объявляется сначала въ Поэмѣ; Герой пре-

одолѣваетъ препятствія, и повѣствованіе оныхъ составляетъ сіи вводныя повѣсти. Всѣ таковыя повѣсти у Господина Хераскова весьма искусно соединены съ цѣлымъ, и каждый эпизодъ непосредственно приводитъ другой. Дѣйствующія лица въ его Поэмѣ являются и дѣйствуютъ тогда только, когда имѣютъ связь какую съ его Героемъ. Такова повѣсть въ Сумблекѣ о Гиреи, объ Османѣ, объ Алеи и проч.

Дѣйствіе должно быть цѣлое.

Нѣтъ человѣка, который бы былъ доволенъ, когда его обманутъ обѣщаніемъ. Стихотворецъ объявляетъ въ самомъ началѣ Поэмы, что онъ описать намѣренъ. Посему онъ обязанъ удовлетворить обѣщанію своему и представить все цѣлое дѣйствіе. Цѣлость сія обыкновенно состоитъ изъ четырехъ частей: приступа, причины, узла и развязки.

О приступѣ.

Приступъ есть начало Поэмы, гдѣ обыкновенно вкратцѣ объявляется предметъ описываемый и цѣль дѣйствія. Онъ долженъ быть скроменъ и не больше обѣщевать, сколько испол-

нить можетъ Стихотворецъ. Къ нему присовокупляется обыкновенно призываніе Музы, или другаго какаго Божества; или Стихотворецъ посвящаетъ кому пѣснь свою; но сія часть не есть существенная въ Поэмѣ.

О ПРИЧИНѢ.

Причина дѣйствія должна быть достойна Героя, и съ его характеромъ сообразна. Въ Россіадѣ есть причина дѣйствія, достойная Государя, истинно любящаго свое отечество. —

О УЗЛѢ.

Узелъ есть то препятствіе, которое заставляетъ дѣйствовать Героя, и которое причиною бываетъ продолженія Поэмы. — Узелъ долженъ быть естественъ и почерпнутъ изъ самаго дѣйствія. Въ Поэмѣ Г-на Хераскова измѣна Алея учиняетъ оный; у Виргилія гнѣвъ Юнонинъ, въ Одиссеѣ Нептунъ. Въ Россіадѣ узелъ естественъ, ибо въ войнѣ нѣтъ препятствія обыкновеннѣе, какъ измѣна; въ Энейдѣ узелъ весьма нравоучительной.

О РАЗВЯЗКѢ.

Развязка есть преодолѣніе всѣхъ препятствій, противуположенныхъ Герою, или такое обстоятельство, которое бываетъ причиною конца Поэмы. Развязка должна быть столько же естественна, какъ и узелъ. Въ Россіадѣ Иванъ Васильевичь беретъ Казань, по многимъ препятствіямъ, и утверждаетъ власть свою: развязка естественна! Въ Энейдѣ Турнъ препятствуетъ поселенію. Эней, желая избавить отъ кровопролитія Троянъ и Латинцовъ, рѣшаетъ споръ единоборствомъ: развязка благородная и естественная!

Все дѣйствіе Поэмы состоитъ въ повѣствованіи препятствій. Кромѣ главнаго, которое бываетъ причиною прочихъ, всякое изъ нихъ должно имѣть узелъ и развязку. Въ нихъ бываютъ тѣ же самыя свойства, каковыя въ главномъ дѣйствіи. Нѣтъ ничего противнѣе свойству Поэмы, какъ романическіе узлы и развязки, которые, превзошедъ чудесностію натуральное, вмѣсто удивленія производятъ смѣхъ.

Дѣйствіе должно быть чудесное.

Впрочемъ сколько убѣгать должно романическихъ явленій; столько надлежитъ стараться о изысканіи чудеснаго, но чудеснаго, произшедшаго отъ благороднаго воображенія, исполненнаго высокимъ, воспитаннаго изящною природою. Оно по большой части состоитъ въ вѣроятномъ. Мнѣнія и обычаи народовъ не сходны въ семъ случаѣ. По сей причинѣ напрасно винятъ Гомера, который представляетъ ходящими треножники, говорящими коней, работающими статуи. Не винимъ и Виргилія, превращающаго корабли въ Нимфъ. Умъ, погрязшій въ многобожіи, представлялъ имъ сіе вѣроятнымъ.

Дѣйствіе должно имѣть нѣкоторое продолженіе времени.

Дѣйствія, описываемыя въ Поэмахъ, бываютъ различны: слѣдовательно и время продолженія ихъ должно быть различно. Дѣйствіе въ Россіадѣ продолжается не болѣе года; Иліада заключается въ теченіи пятидесяти дней. Мильтонъ въ своей Поэмѣ представляетъ дѣйствіе однодневное. Но по мнѣнію критиковъ дѣйствіе Поэмы

должно продолжаться не болѣе и не менѣе года.

О НРАВОУЧЕНІИ.

Человѣкъ трогается или дѣлами, или словами; и потому два средства научить его: примѣры и нравственность. Представляемый для подражанія Герой долженъ быть образцомъ добродѣтели. Но возвышая достоинства и дѣла его, должно хранить нѣкоторую мѣру; ибо все трудное дѣлается или невѣроятнымъ для насъ, или, произведши одно удивленіе, остается безъ исполненія.

Нравственность въ Поэмѣ преимущественно повсюду должна царствовать; не та нравственность сухая, коими сочиненія Моралистовъ набиты; но высокая, благородная, всеобщая, каковую находимъ въ Владимірѣ, Россіадѣ, Иліадѣ, Телемакѣ.

О СТИХОТВОРСТВѢ.

Піиты всегда говорятъ по своему воображенію. Они должны представлять болѣе предметы чувственные, прекрасные. Сравненія и описанія весьма много способствуютъ къ живому

представленію вещи. Сія самая причина побудила Піитовъ нравственныя качества, добродѣтели и пороки, дѣйствія Божественныя и натуральныя представлять въ лицахъ, и дать всему отвлеченному видимый образъ.

О ТРАГЕДІИ.

Выше видѣли уже, что Трагедія относится къ роду Поэзіи Драматической. Она избираетъ совсѣмъ другія отъ Поэмы средства къ достиженію цѣли, которая есть научить человѣка. Тамъ изображается добродѣтель съ свойствами и плодами ея, которыхъ слѣдствіе есть любовь и удивленіе; а здѣсь представляется гнусный видъ порока, который, иногда торжествуя надъ невинностію, иногда дѣйствуя отчаянно и гнусно, возбуждаетъ ужасъ и сожалѣніе. И такъ Трагедія есть повѣсть истинная, или вымышленная, представляющая въ лицахъ какое либо дѣйствіе, котораго есть цѣль возбудить ужасъ къ пороку и сожалѣніе къ добродѣтели. Трагическая Поэма подобно Эпической состоитъ изъ начала, узла и развязки.

О НАЧАЛѢ.

Начало или приступъ Трагедіи обыкновенно продолжается чрезъ первое

дѣйствіе, естьли Трагедія состоитъ изъ нѣсколькихъ дѣйствій. Въ немъ представляются всѣ лица, которыя дѣйствовать будутъ, каждый съ приличнымъ себѣ характеромъ. Всякое лице обыкновенно тотчасъ рѣчію своею даетъ знать характеръ, цѣль и связь свою съ повѣствуемымъ дѣйствіемъ; а по сему и самый предметъ Трагедіи изъ перваго дѣйствія узнать легко можно.

О УЗЛѢ.

Второе, третье и четвертое дѣйствія составляютъ повѣствованіе препятствій. По большой части въ Трагедіи бываетъ два лица дѣйствующія главныя, изъ коихъ одно бываетъ причиною препятствій другому къ достиженію намѣренія. И тотъ, кто дѣлаетъ препятствіе, долженъ быть человѣкъ развращенной, показывать всю возможную злость души своея: а тотъ, кто гонимъ бываетъ при добродѣтели, долженъ быть въ крайнемъ нещастіи.

О РАЗВЯЗКѢ.

Послѣднее дѣйствіе приводитъ Трагедію къ концу. Мы обыкновенно стра-

ждущей добродѣтели желаемъ побѣды, а пороку, угнѣтавшему оную, примѣрнаго наказанія. Поелику любить добро и ненавидѣть порокъ свойственно всякому человѣку. По сему-то всегда сочинители дѣлаютъ развязку, или катастрофъ въ пользу добродѣтели.

Всѣ вводимыя лица въ Трагедіи должны представлены быть съ приличнымъ каждому характеромъ, и являться тогда только, гдѣ связь дѣйствія потребуетъ. Эпизоды составляютъ иногда въ Трагедіи нѣкоторыя явленія, но онѣ должны быть не очень длинны и весьма тѣсно соединены съ главнымъ дѣйствіемъ.

Трагедія есть Поэма, представляемая на зрѣлищѣ, изъ чего слѣдуетъ: 1 е, должно дѣйствіе происходить на одномъ мѣстѣ; 2 е, представлять должно то только, что зрители терпѣть могутъ; прочее все, естьли имѣетъ связь тѣсную съ дѣйствіемъ, должно быть повѣствуемо; 3 е, продолженіе дѣйствія не должно длиться болѣе дня. Испанскій Піитъ Лопецьде всего представляетъ въ Трагедіи своей Валентина и Орсона, которые при первомъ дѣйствіи являются юношами, а при послѣднемъ стариками. По сему

болѣе всего должно стараться о вѣроятности. Г-нъ Сумароковъ въ Трагедіяхъ своихъ имѣетъ много оригинальнаго. Его Гамлетъ, Дмитрій Самозванецъ могутъ служить примѣромъ для тѣхъ, кто не можетъ читать Софокла, Корнеля и Шекспира.

О КОМЕДІИ.

Возбуждая смѣхъ, научать, есть предметъ Комедіи. Она тѣмъ бываетъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе доставляетъ удовольствія смѣяться на щетъ порока. Трагедія изображаетъ обыкновенно пороки великіе, нещастія необыкновенныя въ особахъ важныхъ: здѣсь же представляются недостатки и страсти въ людяхъ низшаго состоянія. Отъ чего въ дѣйствіи Трагическомъ зрители ужасъ и сожалѣніе чувствуютъ, а здѣсь, видя комическое, смѣются, жалѣя о неудачѣ какого лица въ предположенномъ намѣреніи.

Главныя части Комедіи суть: интрига, характеры, порядокъ, израженіе, театральныя нечаянности и смѣшное.

ОБЪ ИНТРИГѢ.

Интрига есть помѣшательство въ представляемомъ дѣйствіи. Она слу-

житъ основаніемъ Комедіи, и есть часть ея самая существенная, безъ которой бы Комедія ничѣмъ не могла различаться отъ разговора. По сему видѣть можно, что интрига въ Комедіи есть тоже, что въ Трагедіи узелъ.

Два рода бываетъ препятствій. Однѣ происходятъ отъ случая, а другія отъ злости людей. Первыя натуральнѣе и производятъ лучшее дѣйствіе въ зрителяхъ, которые, совсѣмъ не предвидя никакихъ нещастій, болѣе поражаются ими. Препятствіе послѣдняго рода иногда съ самаго перваго дѣйствія предвидѣть можно, и сіе самое лишаетъ зрителей удовольствія нечаянности. Однако всѣ новѣйшія Комедіи написаны въ семъ родѣ; поелику изобрѣтать ихъ всего легче.

О ХАРАКТЕРАХЪ.

Обоихъ родовъ препятствія должны основываться на нравахъ времени и мѣста. Что у древнихъ было въ обыкновеніи, то нынѣ совсѣмъ забыто; и по сей-то причинѣ Комедіи и Трагедіи ихъ совсѣмъ намъ не нравятся, а развѣ тѣ только, которыя или изображаютъ какіе нибудь оттѣнки нашего времени, или основаны на общихъ стра-

стяхъ роду человѣческому. Скупой Плавта нѣсколько вѣковъ всѣми народами уважается, а ученыя женщины Мольера уже забыты. Но для большей пользы и блистательнаго успѣха лучше соображать нравы дѣйствующихъ лицъ нравамъ настоящаго времени и тому мѣсту, гдѣ представляется Комедія. Иногда одни нравы служатъ основаніемъ Комедіи: и сіе имѣетъ весьма великое дѣйствіе для нравственности. Но та Комедія самая лучшая, которой интрига, основываясь на характерѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, соединяетъ оба сіи совершенства вмѣстѣ. Изображая характеры, должно стараться, чтобы они были первоначальныя, и главныя лица вводными не были потемняемы. Сверьхъ сего характеръ должно изображать со стороны смѣшнаго, а не низкаго и подлаго.

О ПОРЯДКѢ.

Порядокъ (Oeconomia) есть самая нужная часть въ Трагедіи и Комедіи. Чрезъ порядокъ разумѣть должно натуральное расположеніе дѣйствія, способъ продолженія онаго, распоряженіе частей, а особливо явленій и

Театральныхъ приключеній. Посредствомъ сего цѣлое приводится въ такое согласіе, что ни малѣйшей части дѣйствія не льзя бываетъ или отбросить, или перемѣнить, не испортивъ всего сочиненія. Искусство сіе столь необходимое въ частяхъ, составляющихъ баснь, еще нужнѣе въ разговорахъ. Не довольно того, чтобы планъ дѣйствія порядочно расположенъ былъ, и всякое явленіе имѣло надлежащую величину, надобно еще, чтобы не имѣла Комедія недостатка въ какомъ либо лицѣ.

О ИЗРАЖЕНІИ.

Si dicentis erunt fortunis abſona dicta, Romani tollent equitesque patresque cachinum. *Hor.*

Вѣроятность во всемъ должна быть наблюдаема. Ничего бы не было смѣшнѣе, естьли бы старикъ говорилъ юношею, юноша Философомъ, слуга Господиномъ. Стихотворецъ долженъ приспособляться ко всякому состоянію людей, соображаясь оному не только употреблять приличныя слова и выраженія, но самыя мысли и дѣйствія. Изъ сего видно, что натуральная разговорная рѣчь прилична болѣе всего

Комедіи. Древніе Греческіе и Римскіе сочинители образцы новѣйшихъ подтверждаютъ сіе мнѣніе. Въ Комедіяхъ Теренція и Плавта лица говорятъ также и тоже, что бы они вездѣ сказали. Мольеръ хотя украсилъ и усовершенствовалъ слогъ древнихъ, но никогда не отступалъ отъ простоты натуральнаго разговора. Природа самая простая видна у него вездѣ. Въ его Комедіяхъ нѣтъ ни чувствованій слишкомъ высокихъ, ни положеній Риторическихъ, которыя вмѣсто красоты могли бы ихъ испортить.

О ТЕАТРАЛЬНЫХЪ НЕЧАЯННОСТЯХЪ.

Нечаянностію обыкновенно называется то, чего совсѣмъ не ожидаемъ. Въ Комедіи нечаянность обыкновенно двойная, одна въ словахъ, а другая въ дѣйствіи. Какъ та, такъ и другая производятъ воликое удовольствіе въ зрителяхъ. Но нечаянность въ дѣйствіи, поражая и удивляя зрителя незапностію явленія, приноситъ гораздо болѣе удовольствія. Она производитъ тамъ самое лучшее дѣйствіе, гдѣ случается на сторону того, кто склоняетъ къ себѣ сердце зрителя.

О СМѢШНОМЪ.

Смѣшное (comicum) прилично Комедіи, которая принимаетъ все, что только можетъ доставить удовольствіе смѣяться.

Смѣшное происходитъ отъ двухъ вещей, или отъ остроумныхъ словъ и изреченій, или отъ критическаго положенія лицъ дѣйствующихъ; и сіе послѣднее гораздо важнѣе перваго. Человѣкъ, въ положеніи странномъ находящійся, самыми обыкновенными словами смѣшитъ. И такъ естьли сочинитель распорядилъ дѣйствіе такимъ образомъ, что смѣшное происходитъ изъ сущности онаго: то не нужны ни острыя слова, ни остроумныя изреченія; потому что самыя острыя мысли и выраженія самыя натуральныя произведутъ еще лучшее дѣйствіе по причинѣ комическаго положенія лицъ.

Что касается до начала, узла и развязки Комедіи, то объ нихъ можно то сказать, что и о Трагедіи.

Наконецъ кто хочетъ имѣть образцы въ семъ родѣ, пусть читаетъ Теренція, Мольера, Коцебу.

ОБЪ ОДѢ.

Всякая Поэма имѣетъ цѣль свою: слѣдственно и Ода должна имѣть оную. Но она достигаетъ къ ней совсѣмъ другимъ образомъ, въ чемъ и состоитъ существенное различіе ея отъ другихъ родовъ Поэзіи. Способъ сей есть простое натуральное разсужденіе, которое привесть можно къ роду силогизма, или связь нѣсколькихъ разсужденій, вытекающихъ одно изъ другаго, и имѣющихъ одно общее послѣдствіе. Вотъ на чемъ должна основываться Ода, прежде нежели энтузіазмъ Стихотворца приведетъ его въ восторгъ и восхититъ воображеніе. Слѣдственно разсужденіе сіе должно родиться отъ хладнокровнаго разсудка, имѣть много твердаго, основываться на здравомъ смыслѣ и глубокомъ познаніи предмета. Сдѣлавши сіе, оставляетъ Стихотворецъ положеніе Философа, предается пламенной силѣ воображенія, и каждую часть сдѣланнаго разсужденія оживляетъ своимъ энтузіазмомъ.

Живыя описанія, картины историческія, Патетическіе обороты фигуръ, отважные тропы, сравненія, все,

что краснорѣчіе имѣетъ изящнаго, что страсти трогательнаго и сильнаго, употребляется здѣсь въ высочайшей степени. Лирическій Стихотворецъ располагаетъ доказательства свои самымъ быстрымъ и самымъ разительнымъ образомъ, переходитъ съ одного мѣста на другое, потомъ опять дѣлаетъ поворотъ стремительный на первое, иногда показываетъ себя Логикомъ, но чаще сокрывается непримѣтнымъ образомъ; выставляетъ всю пышность, все великолѣпіе и богатство своего воображенія; предается всей силѣ чувствованія и страстей; въ выраженіяхъ бываетъ опваженъ, въ ходѣ своихъ мыслей смѣлъ, но всегда точенъ.

Всѣ части Оды такого произведенія бываютъ тѣсно соединены между собою, и ниодна изъ нихъ не можетъ быть отброшена или переставлена на другое мѣсто, не испортивъ совершенно цѣлаго.

Оды Г-на Державина, *Россу по взятіи Измаила, Богъ, Переходъ чрезъ Альпы,* могутъ всегда быть образцами.

О ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени предвѣчный,
Безъ линъ въ трехъ лицахъ Божества,

Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ;
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!

Измѣрить Океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи Планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій;
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи изчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности возвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есть, Ты будешь ввѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ тебя родятся;

Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ предъ Тобой.

Свѣтилъ возженныхъ миліоны
Въ бездонной пустотѣ текутъ,
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ;
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры,
Передъ Тобой — какъ нощь предъ днемъ.

Какъ капля, въ море опущенна,
Вся тварь передъ Тобой сія;
Но чтожь мной зримая вселенна,
И что передъ Тобою я? —
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа миліономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною;
А я передъ Тобой ничто.

Ничто! — но Ты во мнѣ сілешь
Величествомъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! — но жизнь я ощущаю;
Несытымъ нѣкакимъ летаю

Всегда паренъемъ въ высоты.
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ;
Я есмь — конечно есть и Ты!

Ты есть! природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есть! — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества!
Я тѣломъ въ прахъ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь — я рабъ — я червь — я Богъ! —
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколь я произшелъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель,
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило

Мое безсмертно бытіе ;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ ! въ объятіе Твое.

Неизъяснимый, непостижимый!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей.
Но естьли славословить должно,
То слабымъ смертнымъ не возможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной радости теряться
И благодарны слезы лить.

ЧАСТНЫЯ ПРАВИЛА ОДЫ.

Ода обыкновенно раздѣляется на стансы, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ десяти строфъ, расположенныхъ такимъ образомъ, какъ показываетъ Ода, приведенная выше въ примѣръ. Однако можно расположить строки и другимъ образомъ. Величина Оды бываетъ не одинакова, и опредѣлить не можно, по причинѣ различія матерій.

Оды, которымъ мы удивляемся въ наши времяна, по большой части суть тѣ, которыя одушевлены картинами величественными, или новыми. Отсю-

да раздѣлить можно Оды на два рода. Возвышенность и благородство составляютъ характеры однихъ; а другихъ качества составляютъ красота и новость. — Оды перваго рода могутъ названы быть Пиндарическими, отъ славнаго Лирическаго Стихотворца Пиндара, который, можетъ быть, будетъ вѣчно образцомъ неподражаемымъ въ семъ родѣ сочиненій. Горацій, Клопштокъ, Ломоносовъ и Державинъ приближились къ нему высокопарностію своею и могутъ замѣнить сего славнаго Стихотворца.

Разсмотримъ, какія правила извлечь можно изъ сихъ образцовыхъ произведеній.

1 е. Предметы, кои приличны сему роду Одъ, суть тѣ, гдѣ бываютъ приличныя чувствованія, мысли высокія, картины необыкновенныя, гдѣ есть все то, что прилично высокому слогу.

2 е. Приступъ бываетъ разительный и величественный. На примѣръ:

Сквозь тучи, вкругъ лежащи, черны *и проч.*

Ежели же предметъ описывается нѣжный: то по большой части употребляется какой нибудь оборотъ натуральной и пріятной; на примѣръ:

Пой во мракѣ тихой рощи, *и проч.*

3е. Начавши тѣмъ или другимъ образомъ писать сообразно матеріи, должно съ продолженіемъ еще больше возвышаться духомъ, такъ, чтобы величіе и красота, чѣмъ долѣе продолжается Ода, тѣмъ болѣе поражали разумъ или сердце.

4е. Прекрасный безпорядокъ въ мысляхъ есть также немалая красота въ Одахъ. Связь Грамматическая и переходы, слишкомъ точные, чрезвычайно унижаютъ Оду. — Мысли Стихотворца суть лабиринтъ; но лабиринтъ прекрасный откуда неизвѣстными путями наконецъ выходитъ онъ и достигаетъ предполагаемой цѣли.

5е. Выраженія и слова въ Одахъ употребляются самыя отборныя. Все то, что сказано о высокомъ и красивомъ слогѣ, прилично здѣсь припомнить.

Оды другаго рода, коихъ сущность составляютъ красота и пріятность, могутъ названы быть Философическими и Анакреонтическими.

Философическія Оды имѣютъ предметомъ какую нибудь нравственность; слѣдовательно въ нихъ больше дѣйствуетъ разумъ, нежели воображеніе. Однако все то, что можетъ дѣ-

лать доказательства разительнѣе и пріятнѣе, здѣсь употребляется съ великимъ успѣхомъ.

Слѣдующая Ода Г-на Сумарокова можетъ служить образцомъ въ семъ родѣ.

Все въ пустомъ лишь только цвѣтѣ,
Что ни видимъ, суета;
Добродѣтель, ты на свѣтѣ
Намъ едина красота!
Кто страстямъ себя вверяетъ,
Только время онъ теряетъ
И ругательство влечетъ,
Въ той безчестіе забавѣ,
Кая не причастна славѣ;
Щастье съ славою течетъ.

Чувствуютъ сердца то наши,
Что природа намъ дала.
Строги Стоики! не ваши
Проповѣдую дѣла,
Я забавъ не отмѣтаю;
Выше смертныхъ не взлетаю;
Беззаконія бѣгу,
И когда его гдѣ вижу,
Паче смерти ненавижу,
И молчати не могу.

Смертнымъ слабости природны,
Трудно сердцу повелѣть,
И старанія безплодны
Всю природу одолѣть:

А неправда съ перва вѣка
Никогда для человѣка
Отъ судьбины не дана.
Естьли честность мы имѣемъ,
Побѣждать ее умѣемъ,
Не вселится въ насъ она.

Не съ пристрастіемъ, но здраво
Разсуждайте обо всемъ;
Предпишите оно право,
Утверждайтеся на немъ:
Не желай другому доли
Никакой противу воли,
Такъ какъ будто бы себѣ:
Безпорочна добродѣтель
Совѣсти твоей владѣтель,
Утѣшеніе тебѣ.

Не люби злодѣйства, лести,
Сребролюбіе гони,
Жертвуй всѣмъ и жизнью чести,
Посвящая всѣ ей дни;
Къ вѣчности намъ вѣкъ дорога.
Помни ты себя и Бога,
Гласу истины внемли,
Духъ не будетъ вѣчно въ тѣлѣ;
Возвратимся всѣ отселѣ
Скоро въ нѣдра мы земли.

Анакреонтическая Ода не требуетъ ни возвышенности духа, ни сильнаго воображенія. Натуральная тонкость замѣняетъ высокія мысли, а нѣжность возвышенныя чувствованія. На мѣсто

сильныхъ выраженій видна легкость одна. Здѣсь примѣтенъ бываетъ самый малѣйшій недостатокъ. Общая мысль, надутость, выраженіе несоразмѣрное, грубой стихъ могутъ испортить цѣлой стансъ. Піеса сего рода съ начала до конца продолжается съ равною тонкостію, нѣжностію, легкостію и чистотою. По различію описываемой матеріи Оды Анакреонтическія раздѣляются на любовныя Оды и Пѣсни. Любовныя сочиненія теперь въ великой модѣ, но изъ всѣхъ, можетъ быть, нѣтъ ни одной хорошей. Чтобы Ода сего рода была совершенна, требуются чувствованія нѣжныя, картины простыя и пріятныя, слогъ легкой и плавкой, и всѣ сіи качества, соединясь, не должны показывать никакого принужденія и искусства. Возвышенности въ чувствованіяхъ и великолѣпія въ выраженіяхъ здѣсь не нужны, а одно сердечное чувствованіе замѣняетъ все сіе. Лира не всегда посвящена была однимъ заблужденіямъ сердца. Благоговѣніе, возбуждая въ благочестивыхъ душахъ чувствованія божественной любви, изливаетъ ихъ въ Пѣсняхъ. Нѣтъ благороднѣе, нѣтъ священнѣе цѣли для Поэзіи, какъ, вос-

нѣвая благость и милосердіе Создателя, погружаться въ признательныхъ чувствованіяхъ благодарности къ Нему. Тайна воплощенія, открывая неизъяснимую любовь Творца къ роду человѣческому, вѣчно будетъ неизчерпаемымъ источникомъ нѣжныхъ и благоговѣйныхъ изліяній сердечныхъ. Благочестивый Геллертъ въ своихъ духовныхъ Пѣсняхъ представляетъ превосходные образцы въ семъ родѣ.

Пѣсни бываютъ Баханальныя и собственно такъ называемыя: какъ тѣ, такъ и другія требуютъ простоты и натуральности: но предметъ сей не заслуживаетъ особливаго вниманія.

О БАСНѢ.

Басня есть иносказательная повѣсть нравственнаго дѣйствія; она родилась отъ воображенія, а потому болѣе прилична Стихотворцу, нежели Оратору или Философу. Ежели принять Езопа за изобрѣтателя оной: то видимъ, что всѣ подражатели его были Стихотворцы и писали болѣе стихами.

Басню можно почесть малою Эпическою Поэмою, которая отъ большой

различается величиною, способомъ повѣствованія, дѣйствіемъ и лицами.

Величина басни должна быть сколько можно меньше. Краткость, ясность, природное изрядство должны составлять существенныя качества красивой Басни. Сколько ни легко кажется написать Баснь такую, но послѣ Федра между тысячами сочинителей едва ли можно сыскать одного, который бы умѣлъ съ нимъ сравниться натуральностію, краткостію, плавкостію и другими качествами, которымъ въ немъ мы по справедливости удивляемся. Новѣйшій Французскій фабулистъ Лафонтенъ многихъ удивляетъ своими сочиненіями; но въ нихъ вводныя лица невѣроятно умны и краснорѣчивы, что противно цѣли не только Басни, но и другимъ родамъ сочиненій.

Способъ повѣствованія въ Басняхъ есть иносказательной. Истина или вообще нравственность бываетъ предметомъ онаго. По сему должно стараться, чтобы завѣса, сокрывающая истину, была тонка, и можно было видѣть, о чемъ идетъ дѣло. —

Цѣль повѣствованія есть нравоученіе, которое или показывается ясными словами, или умалчивается, есть-

ли повѣсть бываетъ довольно ясна, и истинную цѣль удобно видѣть можно. — Въ первомъ случаѣ полагается оно очень хорошо при концѣ: ибо читатель, открывая значеніе Басни, чувствуетъ удовольствіе самолюбія. Есть-ли же Баснь не будетъ ясна и цѣли нравственной открыть не можно безъ ошибки: то лучше показать при концѣ нравоученіе. Дѣйствіе истинное въ Басни бываетъ иногда великое, а иногда не столько; но поелику лица въ нихъ представляются низкія, то и оно, сообразно сему, изображается въ низкомъ видѣ. Звѣри, скоты, дерева, растѣнія, все, что имѣетъ малѣйшій знакъ жизни и подобія съ человѣкомъ, дѣйствуетъ, говоритъ, принимаетъ всѣ свойства человѣческія.

Вѣроятно, что истина, изгнанная изъ общества человѣческаго великими, принуждена была укрываться въ скотахъ и неодушевленныхъ вещахъ, чтобы еще наставлять насъ. По сему надобно думать, что Баснь одолжена началомъ своимъ люпости какого нибудь Тиранна.

БАСНЬ I.

ОРЕЛЪ, КИТЪ, УЖЪ и УСТРИЦА.

Орелъ паритъ подъ облаками,
Китъ волны разсѣкалъ, а Ужъ ползъ по землѣ,
И всѣ, что рѣдкость между нами,
О томъ и думать не могли,
Чтобъ позавидовать чужой на свѣтѣ долѣ;
Однакожь говорить и мыслить въ нашей волѣ,
И Устрица моя нимало не винна,
Что, глядя на того, другова,
Возстала на судьбу она.
Тьфу пропасть! вскричала: не ужель никакова
Таланта не дано лишь только мнѣ одной?
Дай полечу и я!... нѣтъ, это даръ не мой. —
Дай поплыву! все идетъ хило;
Хоть пополземъ — не тутъ то было!
А что и этова досаднѣе сто разъ:
Подкрался водолазъ,
Который видно, что подслушалъ,
Схватилъ ее, да въ ротъ, и на здоровье скушалъ.
Вотъ такъ-то весь нашъ вѣкъ
Въ пустыхъ желаньяхъ погибаетъ!
И рѣдкой человѣкъ
Доволенъ участью бываетъ.
Изрядно, но... а вось и лучшее найду,
А смотришь, и нашелъ бѣду!

II.

НИЩІЙ и СОБАКА.

Большой боярской домъ собака стерегла,
Увидя старика, входящаго съ сумою,
Собака лаять начала.
Умилосердись надо мною!
Съ боязнью, пошептомъ, бѣднякъ ее молилъ:
Я сутки ужъ не ѣлъ, отъ глада умираю.
За тѣмъ-то я и лаю,
Собака говоритъ, чтобъ ты накормленъ былъ.
Наружность иногда обманчива бываетъ,
Иной какъ звѣрь, а добръ; тотъ ласковъ, а кусаетъ.

О САТИРѢ.

Сатира есть рѣчь, сочиняемая по большой части стихами, гдѣ пороки и недостатки человѣческіе представляются въ самыхъ живыхъ и ощутительныхъ чертахъ смѣшнаго. Сіи картины, изображающія безпорядки въ общежитіи, тѣмъ будутъ лучше, чѣмъ живѣе представятъ вообще смѣшное въ свойствѣ нѣкоторыхъ пороковъ, не касаясь никогда частныхъ людей. Пусть скупость страждетъ отъ Сатиры, а не скупой; лѣнивые, а не лѣнивый — Тогда всякъ, не оскорбляясь,

готовъ смѣяться не рѣдко и на свой щетъ собственной.

Цѣль Сатиры есть преобразить худые нравы, осмѣивая порокъ. Хотя остроумные обороты противу порока во всѣхъ сочиненіяхъ, основанныхъ на умѣ, случиться могутъ; но здѣсь преимущественно употребляются. Иногда открываютъ смѣшное въ поступкахъ людей важнымъ тономъ. Отсюда назвать можно Сатиры однѣ забавными, а другія важными. Сатира имѣетъ цѣлію убѣдить; слѣдовательно мысль, описываемая въ ней, должна поражать своею справедливостію; мнѣнія должны быть истинныя и совершенныя, нравственныя правила, ясныя разсужденія, основанныя на Логикѣ. Сообразно съ симъ и выраженія употребляются здѣсь простыя, натуральныя. Нѣтъ метафоръ пріисканныхъ, отдаленныхъ троповъ, а одно только видно остроуміе, ничѣмъ не закрашенное. И такъ слогъ въ Сатирѣ бываетъ простой. Шутка, осмѣивающая порокъ, съ высокимъ и красивымъ слогомъ несовмѣстна. Одна натуральная красота можетъ имѣть только мѣсто, а все, отъ искусства происходящее, можетъ испортить, а не украсить Сатиру.

Горацій, Ювеналъ, Буало суть превосходные образцы въ семъ родѣ сочиненій. Г-нъ Сумароковъ подражалъ имъ и имѣетъ много оригинальнаго въ своихъ Сатирахъ.

О ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Взрощенъ дитя твое и сталъ уже дѣтина;
Учился, наученъ, учился, сталъ скотина:
Къ чему, что твой сынокъ чужой языкъ постигъ,
Когда себѣ плода не собралъ онъ отъ книгъ?
Болтать и попугай, сорока, дроздъ умѣютъ:
Но больше ничего они не разумѣютъ.
Французскимъ словомъ онъ въ рѣчь Рускую плыветъ;
Солому пальею, обжектомъ видъ зоветъ.
И рѣчи Рускія ему лишь тѣ прелестны,
Которы на Руси вралямъ однимъ извѣстны.
Коль должно молвити о чемъ, или о комъ,
На основаніи совсѣмъ не на такомъ,
Онъ бредитъ безо сна, и безъ стыда, и смѣло,
Не на такой ногѣ я вижу это дѣло.
И есть родители, желающи того,
По Руски бъ дѣти ихъ не знали ничево.
Французски Авторы почтенье заслужили,
Честь вѣку принеся, они въ которомъ жили;
Языкъ ихъ вычищенъ, но всякъ ли Моліеръ
Между Французами, и всякъ ли въ нихъ Вольтеръ?
Во всѣхъ земляхъ умы великіе родятся:
А глупости всегдажь и болѣе плодятся:

И мода странъ чужихъ Россіи не законъ:
Мнѣ мнится, все равно присядка и поклонъ.
Объ этомъ инако ЕКАТЕРИНА мыслитъ,
Обрядъ хорошій намъ она хорошимъ числитъ.
Стремится насъ она наукой озарить,
А не въ французовъ насъ не кстати притворить:

И неоспориму даетъ на то надежду,
Сама въ Россійскую облекшися одежду.
Безмозгимъ кажется языкъ Россійскій тупъ,
Похлебка ли вкуснѣй, или вкуснѣе супъ?
Иль соусъ, просто сосъ, намъ поливки вкуснѣе?
Или ужъ нашъ языкъ Мордовскаго гнуснѣе?
Ни шапка, ни картузъ, ни шляпа, ни челма
Не могутъ умножать намъ даннаго ума.
Темноволосая, равно и бѣлокура,
Когда умна, умна; когда глупа, такъ дура.
Не въ формѣ истина на свѣтѣ состоитъ,
Насъ краситъ вещество, а не по модѣ видъ:
По модѣ ткутъ тафты, парчи, обои, штофы,
Однако люди тѣ ткачи, не Философы:
А истина еще нигдѣ не знала модъ:
Имъ слѣпо слѣдуетъ безумный лишь народъ.
Разумный модѣ мнитъ бездѣлкой быть покоренъ.
Въ длинѣ кафтана онъ со прочими безспоренъ;
А въ разсужденіи онъ слѣдуетъ себѣ,
Оставивъ дурака предписанной судьбѣ.
Кто Руско золото Французской мѣдью мѣдитъ,
Ругаетъ свой языкъ и по Французски бредитъ;

Языки чужды намъ потребны для того,
Чтобъ мы читали въ нихъ, на Рускомъ нѣтъ чего;
Извѣстно, что еще книгъ Рускихъ очень мало.
Прекрасенъ нашъ языкъ единой стариной;
Но глупостью писцовъ онъ нынѣ сталъ иной;
И ежели отъ ихъ онъ узъ не свободится,
Такъ скоро никуда онъ больше не годится.
Піитовъ на Руси умножилось число,
И всѣ примаются за это ремесло:
Не соловьи поютъ, кукушки то кукуютъ,
И врутъ: и враки тѣ другъ друга критикуютъ:
И только тотъ изъ нихъ поменѣе навралъ,
Кто менѣе еще бумаги замаралъ.
А твой любезный сынъ бумаги не мараетъ,
Въ библіотеку книгъ себѣ не собираетъ,
Похваленъ онъ и тѣмъ, что бредитъ на рѣчахъ,
Парнасса и во снѣ не видѣлъ онъ въ очахъ.
На Рускомъ прежде былъ языкѣ сынъ твой шуменъ,
Французскаго схвативъ, онъ сталъ совсѣмъ безуменъ.

О ИДИЛЛІИ.

Идиллія или Эклога есть пастушеская поэма, гдѣ Стихотворецъ рѣдко самъ повѣствуетъ, а большею частію заставляетъ говорить и дѣйствовать другія лица. И такъ для лучшаго познанія Идилліи, разсмотримъ

1) мѣсто, на которомъ должно происходить дѣйствіе, 2) дѣйствующія лица, 3) предметы, кои описываются, и 4) слогъ.

1. Мѣсто дѣйствія долженъ быть сельской какой нибудь ландшафтъ, представляющій луга, рощи, прозрачные ручейки, разсѣянные кусточки, цвѣтущіе берега рѣкъ, источники, наконецъ все, что дѣлаетъ сельскую жизнь прелестною и щастливою. Стихотворецъ подражаетъ Живописцу. Описывая мѣсто, онъ изображаетъ только то въ натурѣ, что плѣняетъ глаза и воображеніе; низкое все оставляетъ, или, открывая въ немъ природныя красоты, показываетъ съ такой стороны, которая намъ нравится. Большею частію Піитъ сажаетъ пастуховъ своихъ въ прохладной рощѣ, подъ развистымъ столѣтнимъ дубомъ, на берегу прозрачнаго источника, съ чистыми ручьями котораго мѣшается зелень его вѣтьвей, гдѣ взоръ ихъ очаровывается, слухъ плѣняется или пѣніемъ птицъ, или шелестомъ маленькихъ кузнечиковъ. Но сіи прекрасные характеры простой природы не всегда могутъ имѣть мѣсто въ Идилліи. Случается и въ мирной пастушеской

жизни много нещастій, которыхъ описаніе требуетъ сообразнаго мѣста.

2. Дѣйствующія лица въ Идилліи суть пастухи. Пастушеское состояніе въ прежнія щастливыя времена весьма въ великомъ было уваженіи. Патріархи и Цари занимались имъ. И сія-то щастливая и спокойная жизнь была началомъ сему роду поэзіи. Пастухъ на свободѣ съ веселымъ духомъ, съ невиннымъ сердцемъ хотѣлъ изобразить свои радостныя чувства. Свистъ Зефира, шумящій тростникъ подали ему щастливую мысль подражать, и онъ, сдѣлавъ свирѣль, изображалъ движеніе души своей. Наконецъ опыты искусства не умедлили усовершенствовать сіе изображеніе.

Дѣйствующихъ лицъ въ Эклогѣ иногда бываетъ два, иногда одно, а иногда три. Третье большею частію бываетъ судьею между двумя спорющими о какомъ нибудь предметѣ, свойственномъ ихъ состоянію. — На всѣ три случая прекрасные образцы представляетъ намъ Теокритъ и Виргилій.

3. Описывая природу въ простотѣ своей, должно изображать не въ самомъ дѣлѣ то, что видимъ, но то,

что съ идеаломъ природной красоты сходствуетъ. Гомера упрекаютъ за то, что, изображая Ира, онъ слишкомъ представилъ его отвратительнымъ. Равнымъ образомъ, описывая пастуховъ, ихъ состояніе и дѣла, должно представлять не все то, что въ самомъ дѣлѣ бываетъ, но то, что есть въ состояніи и поступкахъ ихъ лучшаго, и что могло бы быть, естьли бы они слѣдовали внушеніямъ природы и невинности, къ которой ближе всѣхъ другихъ состояній.

Пастушеское состояніе не позволяетъ имѣть обширныхъ знаній. Понятіе пастуховъ ограничивается предметами, ихъ окружающими.

По сему предметомъ ихъ разговоровъ бываютъ стада, сады, ручейки, рощи, любовь невинная, луга, солнце и все то, что ихъ окружаетъ и имѣетъ связь съ ихъ жизнію. Во уединеніи иногда пастухъ одинъ воспѣваетъ свое щастіе; иногда изображаетъ жалобу свою; иногда занимается тѣмъ, что слышилъ отъ своихъ старѣйшихъ. Въ другомъ мѣстѣ для пріятнѣйшаго препровожденія времени сходятся два пастуха, начинаютъ разговоръ, хвалятся одинъ предъ

другимъ своимъ щастіемъ, и не рѣдко соревнованіе приводитъ ихъ къ спору, которой обыкновенно рѣшится при посредствѣ третьяго.

4. Выраженіе и слова должны вездѣ соразмѣрны быть съ самимъ предметомъ: слѣдовательно слогъ въ Идилліяхъ употребляется простой. Пастухъ на свободѣ можетъ распространятся много и дѣлать отступленія, иногда говоря о какомъ-либо Героѣ своего состоянія, каковъ Дафнисъ у Виргилія; иногда представляя красоты невинности и спокойной своей жизни: но все сіе дѣлаетъ такимъ простымъ, такимъ натуральнымъ образомъ, что иногда не представишь въ немъ краснорѣчиваго Оратора, но всегда скажешь, что говоритъ пастухъ невинной. Теокритъ и Вергилій представляютъ превосходные образцы въ семъ родѣ, каковыхъ нѣтъ и, можетъ быть, не будетъ. Г-нъ Сумароковъ имѣетъ въ своихъ Эклогахъ много образцовъ: приведемъ здѣсь для примѣра его сочиненія одну.

МЕЛИЦЕРТА.

Не чувствуя уже прекрасныя весны,
Какіе страшные мечтаются мнѣ сны!
Мнѣ снилось муравы и виноградны лозы,
Благоуханіе цвѣтовъ Царицы розы,

Сладчайше пѣніе, любовь поющихъ птицъ,
И пляска на лугахъ младыхъ у стадъ дѣвицъ:
А въ эту снилось ночь нескладна врана крики,
И въ темныхъ тамъ лѣсахъ Сатиръ и Фавновъ клики.
Скрежещетъ алчный вепрь, зіяетъ тигра зѣвъ,
Песъ лаетъ, воетъ волкъ, реветъ ужасно левъ:
Пастухъ такую рѣчь, отъ сна востав, вѣщаетъ,
И се Аврора лѣсъ и горы освѣщаетъ,
И возбужденія влечетъ изъ моря часъ;
Повсюду слышится свирѣлей нѣжный гласъ:
И въ рощахъ соловьи при всходѣ Феба свищутъ,
И овцы мягкихъ травъ въ долинѣ тучной ищутъ:
Единый въ тѣхъ мѣстахъ стонаетъ Ипполитъ,

Тоска грызетъ его, ничто не веселитъ.
Онъ ревности своей ничѣмъ не умѣряетъ,
И жалобы, въ одрѣ стоная, повторяетъ:
Своими я вчера глазами ясно зрѣлъ,
Какъ выронилъ перо на паству къ намъ орелъ:
А Мелицерта сей находкой хоть гордилась,
На дерзка Атиса она не разсердилась;
Что отнялъ у нее то перушко пастухъ,
Терзаетъ мой она плѣненный ею духъ,
И терпитъ отъ него сіи поступки смѣлы,
То знаю, что и мнѣ въ колчанъ приличны стрѣлы.

О Атисѣ! имя мнѣ твое на мысли адѣ,
Отвлекшій отъ меня моей любезной взглядѣ!
Отнявъ ты мой покой, отнявъ мои ущѣхи,
Имѣй пріятности, имѣй въ любви успѣхи,
И наслаждайся тѣмъ во щастливой судьбѣ,
Что въ мысли радостной готовилъ я себѣ!
Пастушка безъ него часъ утра ненавидя,
При стадѣ пастуха любезнаго не видя,
Оставивши овецъ, приходитъ къ шалашу,
И мнитъ: не боленъ ли пастухъ мой, я спрошу:
Иль онъ меня уже за что нибудь не любитъ:
Сугубо мнѣніе и страхъ ее сугубитъ.
Что сдѣлалось тебѣ? спросила у него.
Онъ ей отвѣтствуетъ, томимый: ничего.
За что толико вдругъ ты сталъ ко мнѣ превратенъ?
Холодный твой отвѣтъ мнѣ очень не пріятенъ.

Когда ты мнѣ такой вчера дала ударъ,
Чего инаго ждать, на что тебѣ мой жаръ?
Мечта твоя о мнѣ примѣтной ужасала,
Вчерашній вечеръ я передъ тобой плясала
И пѣла пѣсню ту, сложилъ котору ты,
Я съ ласкою брала изъ рукъ твоихъ цвѣты.
Ждала горячности я вмѣсто зла морозу:
Припкнула при груди тобою данну розу:
Взираю на нее, въ кушинчикѣ храня:
Нарциссы всѣ твои въ стаканѣ у меня,
И ни одинъ изъ нихъ еще не увядаетъ:
А ужъ твоя любовь къ пастушкѣ пропадаетъ;
Не мнила я, чтобъ такъ любовь крапка была,

И чтобъ еще кратчай она цвѣтка цвѣла.
Какую я тебѣ содѣлала обиду?
Не только, чтобъ досадъ, ихъ не было и виду.
А! а! дозналась я: перо — конечно такъ?
Что то досадно мнѣ, признаетъ, чаю, всякъ.
Но естьли предъ тобой я въ этомъ провинилась,
Такъ съ Анисомъ за то довольно я бранилась:
И отняла перо; возьми его теперь:
А впредь такимъ пустымъ химерамъ ты не вѣрь,
Сердиться на людей всегда потребно съ толкомъ;
Не рѣдко кажется вдали собака волкомъ,
Соколъ вороною, ворона соколомъ,
И малая овца коровой, иль воломъ.
При всѣхъ ли людяхъ мнѣ ко брани подвизаться?
И что тебя люблю, всемірноль оказаться?
Пускай не вѣдаетъ о насъ того никто,
Доколѣ надобно, чтобъ было тайно то.
Колико прежде онъ отъ ревности сердился,
Толико онъ ее невинности стыдился:
И всей своей винѣ прощенія просилъ,
Что скромности ея досадами вкусилъ.
Горячая любовь была горячимъ гнѣвомъ,
Былинка малая большимъ казалась древомъ.

О ЭЛЕГІИ.

Элегія, какъ самое ея названіе показываетъ, есть печальная поэма. Въ ней изображаются жалобы, горесть,

нещастіе въ жалостномъ тонѣ: слѣдовательно слогъ ея болѣе долженъ быть натураленъ, нежели красивъ. Но какъ нещастія суть удѣлъ всего рода человѣческаго, и самаго высокаго состоянія человѣкъ подверженъ имъ: то и можетъ иногда употребиться слогъ выше нѣсколько. Однако имѣть всегда должна Элегія свой натуральный характеръ, который есть нѣкоторой видъ нѣжности, свойственной людямъ, находящимся въ нещастномъ состояніи.

Цѣль ея есть, возбудить жалость. Почему, дабы достигнуть цѣли сей, должно изобразить предметъ живо, показать его цѣну и притомъ съ такой стороны, которая была бы чувствительна и для самыхъ читателей.—

Не надобно сливать жалости съ ужасомъ. Многіе вмѣсто сей нѣжной и тихой страсти возбуждаютъ ужасъ, что совсѣмъ противно свойству Элегіи. Она болѣе сходствуетъ простотою и натуральностію съ Идилліею.

Естьли Идиллія имѣетъ предметомъ что нибудь печальное, то ее можно назвать Элегіею.

Въ прежнія времена Элегія описывала одни нещастія жалобнымъ сво-

имъ тономъ: но послѣ, когда любовь введена во всѣ почти сочиненія Французами, стала предметомъ Элегіи: съ тѣхъ поръ она одними почти занималась любовными жалобами. Отсюда раздѣленіе получила Элегія на Трепическую и Еротическую.

Нѣжный Овидій есть образецъ неподражаемый въ Элегіяхъ перваго роду.

Примѣръ изъ Тибулла.

Пускай кто многими землями обладаетъ,
Въ день копитъ золото, а въ ночь не досыпаетъ,
Страшася и во снѣ военныя трубы:
Тибуллъ унизился бъ, желавъ его судьбы:
Тибуллъ въ убожествѣ, незнатенъ... но доволенъ,
Когда онъ въ хижинѣ своей, спокоенъ, воленъ,
Живетъ съ надеждою, съ любовію втроемъ,
И полный властилинъ въ владѣніи своемъ.
Хочу и дѣлаю: то въ скромномъ огородѣ
Душисты рву цвѣты и гимнъ пою природѣ;
То тропки по снуру прямые провожу;
То за прививками младыхъ деревъ хожу;
То груды, не стыдясь, самъ заступомъ копаю,
А иногда воловъ лѣнивыхъ загоняю,
Иль весело бѣгу съ барашкомъ на рукахъ,
Который позабытъ былъ матерью въ лугахъ.
Богамъ усердный жрецъ, я первенцы земные

Всегодно приношу на олтари святые;
Палесѣ жертвую домашнимъ молокомъ,
Помонѣ каждымъ вновь родившимся плодомъ;
А предъ тобой всегда, Церера златовласа!
Я вѣщаю вѣнокъ, сплетенный мной изъ класса.
О Лары! нѣкогда я въ жертву приносилъ
Прекрасныхъ вамъ тельцовъ, тогда богатъ я былъ!
А нынѣ и овна щитаю важнымъ даромъ!
Но я и въ бѣдности благодаренья съ жаромъ
Любимаго изъ нихъ закланію предамъ;
Да воскурится паръ отъ жертвы къ небесамъ
При пѣсняхъ юности безпечной и веселой,
Просящей отъ небесъ вина, иль жатвы зрѣлой!
Услышьте, Боги, нашъ сердечный кроткій гласъ,
И скудные дары не презрите отъ насъ!
Первоначальный даръ, вамъ, Боги, посвященный,
Простѣйшій былъ сосудъ, изъ глины сотворенный.

Я о родительскомъ богатствѣ не тужу,
Безпечно дней моихъ остатокъ провожу;
Работаю, смѣюсь, иль съ Музами играю;
Или подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою даритъ.
Сквозь солнца иногда дождь мѣлкой чуть шумитъ:

Я слушаю его, помалу погружаюсь
Въ забвеніе, и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь.

Иль въ мрачну бурну ночь, въ объятіяхъ драгой,
Не слышу и грозы, гремящей надо мной.
Вотъ сердца моего желанья и утѣхи,
Мессалѣ льстятъ пускай оружія успѣхи,
Одержанныя имъ побѣды на войнѣ;
Пускай надъ лаврами на гордомъ онъ конѣ
Съ полками плѣнниковъ при плескахъ въ Римъ вступаетъ,
И славы своея лучами поражаетъ;
А я... пускай отъ всѣхъ остануся забвенъ!
Пусть скажутъ обо мнѣ, что робкимъ я рожденъ;
Но Деліи во вѣкъ не огорчу разлукой;
Одна ея слеза былабъ мнѣ тяжкой мукой.
Прочь, слава! не хочу жить въ будущихъ вѣкахъ!
Пребудь лишь ты въ моихъ, о Делія! глазахъ:
Съ тобой и дика степь Тибуллу будетъ раемъ;
Съ тобою онъ готовъ быть зноемъ пожигаемъ,
И ночи на землѣ сырой препровождать.
Ахъ! можетъ ли покой и одръ богатый дать
Тому, кто одинокъ, а съ пламенной душою!
О Делія! я жизнь лишь чувствую тобою!
Одинъ твой на меня умильный, страстный взглядъ
Безцѣннѣй всѣхъ честей, тріумфовъ и градъ!
Но все пройдетъ... увы! и Деліи не станетъ!
Быть можетъ... Нѣтъ! пускай твой прежде другъ увянетъ;

Пускай, когда чреда отжить ему придетъ,
Еще онъ на тебя взоръ томный возведетъ;
Еще, готовяся на вѣчную разлуку,
Дрожащею рукой, сожметъ твою онъ руку;
Вздохнетъ .. и на твоей груди испуститъ духъ.

О Делія! душа души моей и другъ!
Ужель на мой костеръ ни слезки не уронишь?
Нѣтъ сердце у тебя не каменно: ты стонишь,

Рыдаешь, Делія! — и нѣжныя сердца
Желаютъ моему подобнаго конца. —
Изчезни грусна мысль! что будетъ, не минуетъ:
Почтожь душа моя до времени тоскуетъ?
Еще Сатурнъ моихъ не осребрилъ власовъ,
Еще я крѣпокъ, здравъ по благости Боговъ.
Не унывай, Тибуллъ, и пользуйся годами!
Укрась чело свое ты свѣжими цвѣтами
И посвяти любви сей быстрый жизни часъ,
Въ которой жаркій споръ утѣхою для насъ.
И смѣлый, дерзкій шагъ есть подвигомъ геройства,

Отважность и любовь, то молодости свойства;
Начальствую, какъ вождь, иль самъ я предводимъ;
Равно я въ сей войнѣ великъ, не утомимъ;
Свернише предо мной знамена, Марсъ кровавой!
И не прельщай меня безсмертной въ мірѣ славой;

Готовь трофеи ты съ увѣчьемъ для другихъ,
Предъ ними всѣ вѣнцы—я щастливъ и безъ нихъ;
Богатства не хочу, а нужное имѣю,
И что всего милѣй, я Делiей владѣю.

О ЭПИГРАММѢ.

Эпиграмма, какъ самое ея названiе показываетъ, означаетъ краткое сочиненiе, которое надписывали въ древности надъ какимъ либо предметомъ, какъ-то: надъ храмами, гробницами, Кенотафiами и пр.

Въ послѣдующiя времена каждой надписи по предмету, гдѣ надписывается, дали особливое названiе, и, опредѣливъ свойства каждой, положили между ними нѣкоторое различiе и значенiе Эпиграммы нѣсколько ограничили. Въ нынѣшнiя времена Эпиграмма называется по большой части остроумная сатирическая мысль, представленная въ немногихъ стихахъ.

Посему всякое сочиненiе, котораго сущность составляютъ остроумiе и краткость можетъ называться Эпиграммою; и мы многiя видимъ подъ симъ названiемъ сочиненiя, въ которыхъ изображаются заслуги, дѣла героическiя, поступки добрые или худые, но

всегда такимъ тономъ, который отличаетъ острый, свободный разумъ отъ обыкновеннаго.

Часто слово остроумное, или обоюдное выраженіе, кстати употребленное, служитъ основаніемъ Эпиграммѣ; но Эпиграмма была бы та наилучшая, гдѣ бы всѣ сіи красоты вмѣстѣ находились. Чрезъ сіе соединить можно то разногласіе, которое имѣютъ ученые въ разсужденіи Эпиграммы, изъ которыхъ одни утверждаютъ, что сущность ея состоитъ въ остроумной мысли; другіе полагаютъ въ обоюдности; иные въ откровенной простотѣ, какую видимъ въ Катуллѣ и Анѳологіи; но всякъ слѣдуетъ своей природѣ. И какъ предметомъ Эпиграммы можетъ быть всякая матерія, которая въ различныхъ отношеніяхъ можетъ быть различна: а несходство наклонностей, дарованій и сужденій писателей еще болѣе разнообразятъ предметъ: то не удивительно, что еще по сію пору не опредѣлили сущности Эпиграммы. Боало въ своихъ Эпиграммахъ, будучи ѣдкій Сатирикъ, осмѣиваетъ; Катуллъ, плѣнный любовникъ, трогаетъ; Линіеръ безбожникъ ругаетъ. Но въ сочиненіяхъ ихъ остро-

умiе всегда бываетъ основаніемъ. Посему дарованія и характеръ каждаго опредѣляютъ видъ только, а не сущность Эпиграммы. Однако Греческіе Эпиграмматисты искали болѣе пріятностей натуральныхъ, нежели остроумія. Израженія ихъ простыя, обороты легкіе. Они не знали того, что называютъ паденіе Эпиграммы. Мысль должна быть натурально простая, но не слишкомъ обыкновенная; ибо вещи, во всеобщемъ всегда употребленіи находящіяся, производятъ отвращеніе послѣ скуки. По крайней мѣрѣ выраженіе должно представлять ее новою, что составляетъ самую большую красоту въ Эпиграммѣ. Наконецъ чѣмъ мысль будетъ выражена кратче, тѣмъ будетъ казаться сильнѣе и красивѣе.

Эпиграмма.

Мнѣ лекарь говорилъ: нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что недоволенъ мной.
Конечно, мыслилъ я, никто того не скажетъ;
Смерть каждому языкъ привяжетъ.

Слѣдующія Эпиграммы Боало по краткости удивительны.

На Агезилая Корнеля.

J'ai vu l'Ageſilas —
Helas !

На Аттилу его же.

Aprés l'Ageſilas
Helas!
Mais apres l'Attilas
Hola!

О МАДРИГАЛѢ.

Боало опредѣляетъ Мадригалъ слѣдующимъ образомъ:

Le Madrigal plus ſimple et plus noble en ſon tours
Reſpire la douceur, la tendreſſe et l'amour.

И въ самомъ дѣлѣ мы не имѣемъ другаго понятія о Мадригалѣ, т. е. Мадригалъ простѣе отъ Эпиграммы, но благороднѣе въ своихъ оборотахъ; любовь и нѣжность составляютъ его душу. Онъ различается и тѣмъ отъ Эпиграммы, что число стиховъ можетъ въ немъ простираться до 16 или 20, между тѣмъ какъ сія послѣдняя не больше 6 имѣть должна.

Древніе не знали имени Мадригала; но стоитъ только вникнуть въ сочиненія ихъ, чтобы сыскать самые лучшіе Мадригалы, то есть, такія піесы, коихъ характеръ благороденъ, матерія пріятная, мысль не столько тонка, не

столько острая, сколько нѣжная. Краткія сочиненія Сафо и Анакреона, дошедшія до насъ, можно почесть Мадригалами. Катуллъ и Марціалъ въ нѣкоторыхъ Эпиграммахъ представляютъ очень хорошіе образцы оныхъ. Выраженіе здѣсь должно быть чистое, пріятное, нѣжное, натуральное; вольности самой малѣйшей, разсужденіи изображенія мыслей, избѣгать должно. Мѣра стопъ и порядокъ риѳмъ не такъ строго наблюдаются.

Мадригалъ.

Нѣтъ, Хлоя! не могу я страсти побѣдить,
Но можно ли тебя узнать и не любить?
Ахъ! ты даешь мнѣ умъ, воспламеняешь къ славѣ;
Разсѣеваешь грусть и исправляешь въ нравѣ;
Годъ жизни я отдамъ за этотъ райской часъ,
Чтобъ видѣть мнѣ тебя, чтобъ слышать мнѣ твой гласъ,
И часто мысль одна: увижу завтра Хлою.—
Уже на цѣлой день веселья мнѣ виною.

Ив. Дм.

О ЭПИТАФІИ.

Эпитафія, какъ показываетъ самое названіе, есть надгробная надпись. Она можетъ занимать средину между

Эпиграммою и Мадригаломъ. Ежели описываетъ пороки умершаго: тогда заимствуетъ тонъ Эпиграммы и Сатирическою колкостію повѣствуетъ худые его поступки. Естьли сокрытъ человѣкъ достойный, любимый: тогда она близка къ Мадригалу, представляя кратко и остроумно похвалу особы, отличившейся во время жизни или нравственными своими добродѣтелями, или дарованіями особливыми. Въ семъ случаѣ Эпитафія, начертенная рукою приближенныхъ, или друзей, сверхъ нѣжности и краткости Мадригала должна имѣть мысль возвышеннѣе, слогъ живѣе, выраженіе благороднѣе. Цѣль Эпитафіи—показать сокрытую особу и характеръ ея: слѣдовательно старатьсся должно изображать въ ней всѣ черты характера и отличныя дѣла умершаго, а все, что обыкновенное и общее въ жизни, оставлять. Симъ образомъ ясность и краткость, необходимо потребныя въ надписяхъ, соблюдены будутъ. Характеръ Эпитафіи есть нѣкоторый видъ простоты и чистосердечія, а особливо въ надписяхъ людей добродѣтельныхъ: ибо тогда не умъ, а чувствованія сердечныя должны болѣе дѣйствовать; и чѣмъ предметъ

будетъ выше, нѣмъ изліянія чувствъ возвышеннѣе, кои наконецъ, достигнувъ высочайшей степени изступленія, перемѣняются въ мрачную меланхолію.

Нынѣ вошло въ великое обыкновеніе писать Эпитафіи не столько важныя, какъ то: на попугаевъ, собачекъ, птичекъ, обезьянъ и пр. Здѣсь большею частію содержится тонкая насмѣшка, или похвала тому, кому принадлежало животное. Passerculus Катулла есть прекрасный образецъ въ семъ родѣ.

Эпитафіи:

I.

Калифа Абдул-Рамана.

Богатства, слава, власть! я вами наслаждался;
Востокъ и Западъ мнѣ со страхомъ покланялся;
Съ престола я свергалъ сильнѣйшихъ изъ Царей,
Полвѣка Богомъ слылъ; былъ щастливъ десять дней.

II.

Здѣсь Бригадиръ лежитъ, умершій въ поздыхъ лѣтахъ,
Вотъ жребій нашъ каковъ:
Живи, живи, умри, — и только что въ газетахъ
Осталось: выѣхалъ въ Ростовъ.

III.

Коль дружество, сіи начертывая строки,
Надъ хладнымъ мраморомъ струило слезъ потоки:
Чтожь чувствовать должны, увы! отецъ и мать:
О небо! и дѣтей ужасно намъ желать.—

О НАДПИСИ.

Надпись есть краткое и ясное повѣствованіе того, что представляется прохожимъ для понятія о вещи, о дѣлѣ, или особѣ. Она начерпывается обыкновенно надъ зданіями, статуями, портретами и пр. Надпись по краткости и ясности должна быть такова, чтобы прохожій удобно прочесть и замѣтить ее могъ.

Надпись къ портеру К. И. Г. С. Р.

Се РоссЪ, АвгарянЪ бичь, СарматовЪ покоритель,
ЗащитникЪ Австріи, Италіи спаситель.

О СОНЕТѢ.

СонетЪ есть сочиненіе самое трудное. Боало говоритъ, что:

Un ſonet ſans defaut vaut ſeul un long
Роёme. т. е. СонетЪ безъ недостатковъ стоитъ длинной Поэмы. Но ник-

но еще не опредѣлилъ его порядочно. Ибо еще не было такого, ктобы отличился въ семъ родѣ сочиненій и оставилъ бы намъ правило, которому слѣдуя, могли бы мы что нибудь сказать положительно.

По недостатку существеннаго опредѣленія представляютъ намъ наружные знаки Сонета. Говорятъ, что онъ долженъ состоять изъ четырнадцати стиховъ, большею частію шестистопныхъ. Первые восемь стиховъ должны раздѣляться на два четверостишія, въ коихъ риѳма полагается чрезъ строфу. Послѣдніе шесть на два дѣлются трестишія, гдѣ риѳма послѣдняго стиха въ первомъ трестишіи, соотвѣтствуетъ риѳмѣ послѣдняго, находящагося во второмъ трестишіи. —

Прибавляютъ еще, что въ каждомъ отдѣленіи семъ смыслъ долженъ быть полной. Выраженія въ Сонетѣ должны быть благородныя, точныя, соединяющія краткость съ гармоніею теченія, риѳмы богатыя и щастливыя. Ни одинъ терминъ не долженъ быть безъ смысла; все должно быть связано тѣсно, соединено

съ предметомъ, обработано, осмотрѣно; здѣсь требуется величественный тонъ Оды, острота Эпиграммы, нѣжность Мадригала. Сонетъ де Барро могъ бы служить образцемъ, естьли бы кто умѣлъ перевесть его.

Р О Н Д О.

Рондо началомъ своимъ одолжено Французамъ, какъ названіе его показываетъ. Оно такое есть сочиненіе, которое большею частію пишется на предметы забавные и шуточные. Однако много находимъ сочиненій важныхъ въ семъ родѣ: и въ семъ случаѣ они близки къ Сонету. Различаются только отъ него наружными признаками. —

Рондо раздѣляется на нѣсколько четыреспишій, въ которыхъ стихи могутъ быть четыристопные, пятистопные и шестистопные. Слово, мысль, или часть цѣлой рѣчи повторяются нѣсколько разъ въ началѣ и въ концѣ каждаго четыреспишія, или въ концѣ другаго; или наконецъ чрезъ нѣсколько куплетовъ повторяются. Шестистопные Россійскіе, гдѣ повтореніе бываетъ съ начала и при концѣ каждаго куплета, нравятся болѣе другихъ.

По причинѣ повторенія трудно дѣлать Рондо, по возможности, совершеннымъ. Здѣсь требуется видъ непринужденности и легкости, нѣжность и самая тонкость даже, только бы не нащетъ пріятной простоты.—

И такъ слогъ здѣсь долженъ быть ровной, мысли, имѣющія пріятность и простоту, тонъ натуральной, остроуміе забавное.

О ЗАГАДКѢ.

Загадка есть краткое сочиненіе, въ которомъ представляется вещь подъ темными метафорическими, подобнозначащими словами, которыя впрочемъ изъясняютъ причины, дѣйствія, свойства, а особливо такія, кои имѣютъ нѣкоторый видъ противорѣчія.

Древніе имѣли великое уваженіе къ загадкамъ. Мудрецы и самые Государи занимались ими. Это занятіе очень свойственно первымъ грубымъ временамъ; и мы видимъ, что у всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ они не были въ обыкновеніи; поелику для проницательнаго философическаго духа загадка ничего не значитъ. Какъ загадка располагается большею частію стихами: то мы должны сказать что ни-

будь объ ней. Самое главное правило въ семъ родѣ сочиненій должно быть, чтобы вещь представить съ такими чертами, кои бы не были приличны никакой другой вещи, кромѣ сей. Иначе читатель, вмѣсто ея, другую примемъ. Впрочемъ иносказаніе, противорѣчіе, обоюдность суть любимые фигуры загадки. Обыкновенно не льзя отгадать ея по одной чертѣ, или двухъ отдѣльныхъ, но, совокупивъ всѣ примѣты вмѣстѣ, необходимо узнать должно вещь; иначе будетъ недостатокъ или въ загадкѣ, или читателѣ.

Загадка должна возбуждать въ читателѣ любопытство и желаніе узнать вещь, которая обыкновенно сокрывается въ чертахъ своихъ. Сіе особливо сдѣлать можно, совокупляя вмѣстѣ странныя противорѣчущія, по видимому, черты ея. Но самая лучшая загадка та, которая представляетъ вещь подъ метафорою точною, а особливо если-ли она сдѣлается непрерывною аллегоріею.

Краткость и ясность необходимо требуется въ загадкѣ. Однако недолжно представлять вещь и слишкомъ открыто: это значило бы лишать читателя удовольствія — отгадывать.

Сюда принадлежатъ Логогрифы, которые суть загадки на слова, или части слова. Они были въ великомъ употребленіи въ среднихъ временахъ.— Примѣръ на слово muſcatum.

Sume caput (mus) curram; ventrem coniunge (ca) volabo;
Adde pedes (tum) comedes, et ſine ventre (ca) bibes.

Наконецъ остается упомянуть еще о другихъ родахъ стихотворенія, нетолько употребительныхъ и важныхъ; но какъ они могутъ отнестись къ вышеупомянутымъ, и отъ нихъ не различаются ничѣмъ, кромѣ или названіемъ, или маловажною наружностію; то и не за нужное почитаю объ нихъ говорить здѣсь. Таковы суть Акростихи (краестишія), Анаграммы (преложеніе слова), Эпиталамъ (брачный стихъ) и проч.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О ПОЭЗІИ ВООБЩЕ.

Всякая вещь можетъ быть предметомъ Поэзіи. Стихотворецъ занимается всѣмъ тѣмъ, что Исторія имѣетъ

разительнаго, Философія твердаго, живопись прекраснаго; еще симъ онъ и недоволенъ. Оставляя видимое въ натурѣ, переносится творческою силою своею въ новые міры, которые созидаетъ, украшаетъ, восхищается. Сила воображенія, представляя ему всю природу вдругъ, показываетъ все ея цѣлое, открываетъ подобія тамъ, гдѣ хладнокровный зритель ихъ не примѣчаетъ, сближаетъ черты одной вещи съ другою, отнимаетъ у одной, придаетъ другой, и такимъ образомъ, неудаляясь слишкомъ отъ природы, видитъ всегда новое и питается вымысломъ.

Вымыслъ есть душа Поэзіи. Всѣ роды стихотворенія на немъ основаны. Баснь, изображая наглую злобу, представляетъ волка, раздирающаго кроткаго агнца. Комедія, выбирая всѣ черты смѣшнаго, изображаетъ идеальную персону. Мизантропъ Мольера не есть скупый, но собраніе всѣхъ скупыхъ съ ихъ смѣшнымъ характеромъ. Самая Эпопея есть повѣсть произшествій неистинныхъ, а только правдоподобныхъ. Юнона и Эней никогда того не дѣлали, что имъ Виргилій приписываетъ. Юнона не сердилась, Неп-

тунъ не возмущалъ моря. — Вообще произведенія Поэзіи основаны только на возможности и вѣроятіи. Но тѣмъ они лучше, что рѣдкость и новость всегда поражаютъ. —

Отсюда заключить должно, что Поэзія вся состоитъ въ вымыслѣ, сообразномъ природѣ. Таковой вымыслъ называется подражаніемъ изящной природѣ. Батё весьма сильно настоитъ на сіе начало. Онъ всѣ науки и искуства приводитъ къ нему, а болѣе всего стихотворство. Въ самомъ дѣлѣ, естьли хотимъ въ сочиненіяхъ нравиться, должны увѣрить прежде въ истинѣ описываемаго предмета; или по крайней мѣрѣ обманутъ вѣроятностію. Но не будетъ вѣроятности, естьли совсѣмъ удалимся отъ природы. — Большая часть романовъ написаны въ семъ тонѣ; и надобно быть довольно терпѣливу, чтобы ихъ читать теперь. Нельзя опредѣлить степени вѣроятія ни въ одномъ предметѣ: поелику сіе зависитъ иногда отъ способа описанія, иногда отъ обстоятельствъ, а болѣе всего отъ мнѣнія народа. Что Грекамъ казалось вѣроятнымъ: тому Римляне смѣялись и не вѣрили; а мы отвергаемъ теперь мнѣ-

нія послѣднихъ. Чѣмъ болѣе предразсудковъ имѣетъ народъ какой: тѣмъ лучше для Поэзіи. Она можетъ изобрѣтать легко среди множества принятыхъ фантазій. По сему младенчество народа есть самое лучшее время для Поэзіи.

Сіе нѣкоторымъ образомъ можетъ служить доказательствомъ древности Поэзіи. Ежели она не есть искусство, а произведеніе воображенія и пылкихъ страстей: то бытіе ея начинается съ родомъ человѣческимъ. Священная Исторія прежде потопа упоминаетъ о Ювалѣ, что онъ изобрѣлъ пѣвницу и гусли. Сіе предполагаетъ пѣсни изустныя, кои для большей пріятности съ того времени воспѣваемы были на инструментахъ: слѣдовательно люди прежде Ювала еще изъясняли свои чувствованія особеннымъ языкомъ, которой страсть дѣлала піитическимъ. Не надобно думать, чтобы дикость народа дѣлала препятствіе успѣхамъ стихотворства. Возвышенныя Пѣсни Оссіана доказываютъ противное. Еще болѣе увѣримся въ сей истинѣ, естьли станемъ судить о семъ по остаткамъ нѣкоторыхъ древнихъ писателей. Чѣмъ древнѣе сочиненіе,

тѣмъ болѣе нравится, а особливо для тѣхъ, кто любитъ натуральное. Священныя книги разительнымъ служатъ доказательствомъ сему.

Нѣкоторые думаютъ, что для Поэзіи довольно риемъ и стопомѣрія; а особливо среднихъ вѣковъ писатели, когда вкусъ въ изящномъ былъ утерянъ, всякую матерію, какъ бы она суха и низка ни была, перелагали худыми стихами: они слишкомъ распространили область Поэзіи. — Вмѣсто того, чтобы выбирать предметы тѣ, кои могутъ терпѣть отступленія отъ строгой истины, они начали писать стихами о Исторіи, о Богословіи, о Философіи, гдѣ весьма трудно украсить предметъ вымысломъ. Гармонія и пріятное паденіе весьма много льстятъ слуху и по натуральному дѣйствію производятъ удовольствіе въ душѣ, которая тѣмъ болѣе восхищается, чѣмъ болѣе чувствъ занимаетъ собою предметъ какой: однако это еще не есть Поэзія, но только принадлежность ея. Проза, основываясь на вымыслѣ, можетъ назваться Поэмою. — Приключенія Телемака, Кадмъ и Гармонія суть Поэмы въ прозѣ; такъ

какъ исторія о войнѣ Пунической, Италика, есть проза въ стихахъ.

Но къ составленію совершенной Поэмы требуются необходимо двѣ вещи совокупно: вымыслъ и пріятное паденіе стопъ и риѳмъ. Люди, наскучивъ единообразнымъ наслажденіемъ природы, искали новыхъ удовольствій въ искусствѣ. Они нашли ихъ въ своемъ воображеніи, которое силою своею открыло имъ новые предметы, новый порядокъ идей и чувствованій. Но рѣчь обыкновенная показалась низкою, и могла унизить сіи новые предметы своею обветшалостію; по сему вздумали и рѣчь перемѣнить. Случайное паденіе словъ и пріятная Гармонія, въ пѣсняхъ нѣкоторыхъ пастуховъ замѣченная, была, вѣроятно, поводомъ къ стопомѣрію и риѳмамъ. Повторенный опытъ имѣлъ дѣйствіе. Ибо сердце наше плѣняется всѣмъ тѣмъ, что льститъ какому чувству; но изъ всѣхъ чувствъ пріятный слухъ болѣе его плѣняетъ. И такъ совершенство Поэмы требуетъ того и другаго. Мы видѣли сіе на опытѣ: приключенія Телемака написаны съ большимъ искусствомъ и лучшимъ изобрѣтеніемъ, нежели Одиссея; но проза лишаетъ

преимущества Французскую Поэму надъ Греческою. Говорятъ, что Виргилій сочинилъ прекрасную свою Поэму прозою; но, видя ее несовершенство, переложилъ стихами.

Горацій говоритъ: omne tulit punctum, qui miſcuit utile dulce. т. е. Успѣхъ совершенный получилъ тотъ, кто соединилъ полезное съ пріятнымъ. И по сему тѣ сочиненія, гдѣ одна польза безъ пріятности, или пріятность безъ пользы, не столько занимательны: чтобы соединить сіи два совершенства, надобно говорить сердцу, возбуждая живыя и пріятныя страсти, не тѣ, которыя стыдъ разуму и вредъ здоровью приносятъ; но страсти, которыя подобно благотворнымъ лучамъ, согрѣвая сердце человѣка, производятъ любезную добродѣтель. Состраданіе къ нещастнымъ, имѣющее столь же обширное дѣйствіе, какъ велики нещастія, угнѣтающія родъ человѣческій; удивленіе великимъ дѣйствіямъ добродѣтели, оживляющее духъ и вливающее въ насъ ту же возвышенность чувствованій, какую видимъ въ Героѣ; любовь ко всему изящному, къ добродѣтели, Религіи, къ произведеніямъ наукъ и художествъ;

ужасъ и отвращеніе къ пороку, по слѣдамъ котораго нещастіе и раскаяніе ходятъ. — Вотъ страсти, которыя всегда освящены были Поэзіею. Поэмы, Трагедіи, Комедіи и другія произведенія важнѣйшія Поэзіи имѣютъ непремѣнною цѣлію возбудить сіи страсти. — И это есть та нравственность, которую Философы внушить хотятъ разуму сухими своими системами, не трогая сердца. Не унижая Философіи, можно утвердительно сказать, что Поэзія всегда научала больше и обширнѣйшій кругъ людей, нежели Философія. Чтеніе Иліады болѣе дѣйствовало на Александра, нежели наставленія его учителя, Аристотеля. И такъ Поэзія должна быть наставницею человѣка. Главная цѣль ея есть нравоученіе. Древнихъ Поэмы представляютъ Боговъ и научаютъ благоговѣнію къ нимъ. Комедіи и Трагедіи ихъ изображаютъ небесное мщеніе, или поруганіе народное надъ злодѣями. — Самой Анакреонъ между цвѣтами Грацій разсыпалъ нравственность Философіи. —

Насъ плѣняетъ обыкновенно чрезвычайное какое нибудь дѣйствіе. Великія добродѣтели или пороки могутъ

представить образецъ сему. Александръ прощаетъ Киру и отдаетъ обратно корону. Брутъ жертвуютъ природою долгу: одинъ умерщвляетъ сыновъ, а другой Цезаря, своего благодѣтеля, и, какъ говорятъ, отца. Медея терзаетъ собственныхъ дѣтей. — Таковыя произшествія необыкновенностію своею поражаютъ сердце и занимаютъ духъ, сообщая ему новыя понятія о человѣкѣ. Но ежели хочемъ сдѣлать надолго впечатлѣніе въ другомъ; то таковыя дѣйствія не должны другими побочными и къ цѣли неотносящимися быть прерываемы. — А особливо не должно вдругъ представлять многихъ чрезвычайныхъ дѣйствій, которыя, утомляя вниманіе, изглаживаютъ одно другаго впечатлѣнія. — Сіе замѣчаніе относится особливо къ Поэмамъ, Трагедіямъ и Комедіямъ, гдѣ весьма легко погрѣшить можно. — Сколько видимъ сочиненій сего рода, гдѣ характеры дѣйствующихъ лицъ слишкомъ единообразны и всѣ одинакіе Герои или злодѣи. — Постороннія дѣйствія въ Поэмѣ суть тоже, что вѣтьви въ деревѣ. Вѣтьвь не растетъ отдѣльно сама собою и никогда не бываетъ толще своего ствола.

Но множество дѣйствующихъ лицъ вообще непріятно. Сверхъ вышепоказанной неудобности они не ведутъ къ концу, а развлекаютъ читателя. Здѣсь, въ такомъ обиліи, трудно дать каждому характеръ, безъ котораго лице не дѣйствуетъ, а только является и мѣшаетъ дѣйствію. — Въ такихъ Поэмахъ дѣйствія кажутся скучными, слишкомъ обыкновенными и общими, выраженія несвойственными и съ характеромъ несообразными. — Такимъ образомъ выходитъ цѣлое несвязное, неправильное, безобразное. Піитъ, подобно живописцу, не долженъ изображать на картинѣ кривыхъ и хромоногихъ, но избирать въ натурѣ самое лучшее и составлять цѣлое идеальное.

Идеальное бываетъ и въ совершенствахъ и въ недостаткахъ, въ добродѣтели и порокѣ. Медея, терзающая дѣтей своихъ, есть также идеальный характеръ, какъ и Титъ, жертвующій благу отечества любовію своею къ Береникѣ. Однако при составленіи идеальныхъ характеровъ всегда должно наблюдать, чтобы не выйти за предѣлы возможнаго, а слѣдовательно вѣроятнаго.

И такъ самая лучшая Поэма бываетъ та, гдѣ:

1. Матерія бываетъ достойная Поэмы, заслуживающая вниманіе и отношеніями своими дѣйствующая на наше сердце. Мы не столько бы прогались повѣстію Г. Хераскова, естьли бы она не заключала въ себѣ достопамятнѣйшее произшествіе въ Россіи, отъ котораго началось съ благоденствіемъ ея и наше щастіе. — 2. Число дѣйствующихъ лицъ соразмѣрно дѣйствію, а не Поэмѣ. Стихотворцы иногда для увеличенія піесы представляютъ безъ всякой нужды лица въ дѣйствіяхъ противъ самой даже вѣроятности. — 3. Дѣйствующія лица имѣютъ каждое характеръ свой, который во все продолженіе повѣсти одинаковъ. Еней у Виргилія вездѣ благочестивъ, мужественъ; Ахиллъ у Гомера вездѣ вспыльчивъ, дерзокъ. Впрочемъ порочны ли, хороши ли нравы дѣйствующихъ лицъ, для Поэзіи все одно. Должны только вездѣ поступки представляемыхъ лицъ сходствовать съ ихъ характерами, и Герой съ Героемъ въ нравахъ сходствовать не долженъ. Повѣсть въ Поэмѣ есть душа Поэзіи, но одной ея недовольно; надобно дать душѣ тѣло,

надобно украсить повѣствованіе приличными картинами, мыслями, словами. Отсюда произошла Поэзія слога. Поэзія слога заключается въ Гармоніи, въ мысляхъ, въ словахъ, въ оборотахъ. Гармонія вообще есть отношеніе сходства, раждающагося отъ порядка и производящаго удовольствіе въ душѣ. Гармонія въ Поэзіи бываетъ троякая: 1) когда слогъ сообразенъ матеріи описываемой; низкая матерія требуетъ низкаго слога, высокая высокого; 2) когда слова и тоны словъ такъ соразмѣрны мыслямъ, что нѣжныя чувствованія изъясняются мяхкими и пріятными словами, грубыя жесткими и суровыми, къ сему особливо сродна Латинская и Греческая Поэзія; 3) когда соединяемъ слова и тоны словъ такъ въ стихѣ, что они теченіемъ и звукомъ своимъ даютъ совершенное понятіе и тому даже, кто не понимаетъ языка на пр:

Урча и клокоча со щоглой поглощаетъ.

также:

Грохочетъ эхо по лѣсамъ,
Какъ громъ, гремящій по горамъ.

Мысли, слова и обороты въ Поэзіи отличаются тѣмъ отъ прозы, что имѣютъ отважность, вольность, оби-

лiс. Метафоры, сравненія, обращенія удивляютъ въ ней своимъ блескомъ, частымъ повтореніемъ, необыкновеннымъ употребленіемъ. Писатели нынѣшнихъ временъ болѣе занимаются симъ родомъ Поэзіи. Поэзія вещей въ небреженіи, или по крайней мѣрѣ не въ такомъ совершенствѣ, до котораго древніе довели ее. Къ Поэзіи слога относится Поэзія *описательная* и составляетъ существенную часть оной. Займемся оною. —

Новѣйшіе писатели болѣе плѣняютъ насъ пріятными картинами описаній. Мы у древнихъ Языческихъ авторовъ не находимъ таковаго искусства въ изображеніи предметовъ, каковое усматриваемъ въ сочиненіяхъ Христіянскихъ. Одинъ Французскій авторъ приписываетъ начало Поэзіи описательной Христіанству. И въ самомъ дѣлѣ, естьли разсмотримъ характеръ народовъ, который обыкновенно образуется Религіею, то согласимся съ нимъ, что Христіанство весьма много содѣйствовало успѣхамъ и совершенству оной. Греческая и Латинская Поэзія питалась баснословіемъ, которому воображеніе и Вѣра придавали великую важность и красо-

ту. Когда Гомеръ повѣствовалъ о собраніи Боговъ, о ихъ пиршествахъ, о ссорахъ: то Грекъ, представляя самымъ дѣломъ, болѣе прогался, нежели мы самымъ лучшимъ описаніемъ Адама и Евы, которое находимъ у Мильтона. По сей-то причинѣ сочиненія древнихъ весьма много потеряли для насъ красоты своей. Намъ только нравятся ихъ картинныя изображенія, а баснословнымъ повѣстямъ ихъ мы смѣемся, или, читая оныя, скучаемъ. Натурально, Стихотворцы Христіане должны были искать другихъ источниковъ красоты и пріятности. Они сыскали ихъ въ Природѣ прекрасной; начали описывать то, что льститъ болѣе воображенію. Забывъ Дріадъ, Нимфъ, Нарциссовъ, стали изображать предметы натуральные, видимые со всѣми красотами и совершенствами идеальности. По сей причинѣ въ нашей Поэзіи остались болѣе употребительными тѣ Миѳологическія слова, которыя имѣютъ отношеніе къ Природѣ. Аврора уже не богиня, но явленіе натуральное, плѣняющее насъ пріятностію; Ириса не посланница Боговъ, но феноменъ прекрасный, представляющій всѣ смѣющіяся красоты радуги.

Изъ сего слѣдуетъ, что тѣ писатели весьма худо узнаютъ сердце человѣческое, которые въ сочиненіяхъ своихъ описываютъ Боговъ Языческихъ такимъ языкомъ, который приличенъ однимъ древнимъ. Мильтонъ, превосходный Англинскій Стихотворецъ, навлекъ на себя по справедливости хулу разумныхъ критиковъ тѣмъ, что призываетъ Языческихъ Боговъ тономъ Язычника, и притомъ въ томъ сочиненіи, гдѣ воспѣваетъ величайшую тайну Христіанства.

Однако и Христіанская Религія подаетъ намъ многія картины къ описанію. Она имѣетъ свои Божественныя таинства, которыя высокостію, святостію, истиною должны поражать воображеніе, трогать сердце, восхищать умъ. Мильтонъ въ безсмертной Поэмѣ своей показываетъ примѣръ сему; Клопштокъ показалъ всѣмъ Христіанскимъ Стихотворцамъ, какія сокровища кроются въ нашей Божественной Религіи. —

Кто знаетъ сердце и умъ человѣческій, тотъ не будетъ удивляться странному поступку Христіанскихъ писателей. Хладнокровіе къ Религіи и Философическій духъ закрываютъ гла-

за и не даютъ видѣть того богатства, которое сокрыто въ тайнахъ и преданіяхъ нашей Вѣры. Церковные Отцы болѣе имѣютъ съ этой стороны преимущества предъ Піитами нашихъ временъ.

Новѣйшіе Стихотворцы, чувствуя сіе, старались пополнить другимъ родомъ описаній. Они животворили пороки и добродѣтели; но кто имѣетъ тонкій вкусъ, тому не слишкомъ понравится таковое изображеніе. Явленіе нравственныхъ существъ не сдѣлаетъ никакого впечатлѣнія на умъ. Зависть, описанная Вольтеромъ, никогда не тронетъ моего воображенія столько, какъ духъ злобы въ Мильтоновой Поэмѣ, низверженный въ Преисподнюю.

Сравнивая Поэмы древнихъ и новѣйшихъ писателей, мы можемъ видѣть все несовершенство нашей Поэзіи. Виргилій и Гомеръ распорядили такъ свои Поэмы, что цѣлое оныхъ удивляетъ. Узелъ, причины, дѣйствіе, развязки, все у нихъ зависитъ отъ Боговъ. Ихъ дѣйствія не на земли происходятъ, но въ собраніи всего Олимпа совершаются. Сіе удивительное цѣлое замѣняется у насъ картинами, опи-

саніями иногда принужденными, а болѣе всего скучными отъ повторенія частаго. — Наши Поэмы похожи на тѣ Готическія зданія, въ которыхъ нѣкоторыя части прекрасны; но все цѣлое отвратительно. — Хотя новѣйшіе Стихотворцы безъ сомнѣнія могли бы подражать въ вымыслѣ древнимъ: но публика приметъ ихъ съ критикою Философіи. Луканъ, Язычникъ, будучи современникъ Философическаго вѣка Сенеки, не употребилъ тѣхъ картинъ, коими Виргилій столько украсилъ свою Поэму. — Онъ болѣе хотѣлъ удивить силою и Гигантскимъ величіемъ мыслей. — Вся Эпопея его состоитъ въ подробностяхъ и картинахъ описательныхъ, а цѣлое и планъ Поэмы очень слабъ. — Но Стихотворцы нынѣшніе, желая прельстить воображеніе, истощаютъ всю силу въ описаніяхъ, и часто, желая блистать, дѣлаются надутыми, между тѣмъ какъ древніе простотою повѣствованія удивляютъ.

Но видя совершенный недостатокъ своей Поэмы, мы противъ воли всегда будемъ слѣдовать всеобщему влеченію вкуса. Кажется, что всѣ согласились вездѣ искать только красотъ въ по-

дробности. Авторъ совершенно, думаетъ, исполнилъ цѣль свою, естьли въ сочиненіи своемъ разсыпалъ цвѣтки, блестящія какія мысли, отважныя изображенія. Такимъ образомъ тонъ надутый и раскрашенный въ Поэзіи заступилъ мѣсто естественнаго, откровеннаго.

Все нравится и поражаетъ насъ болѣе въ цѣломъ, нежели отдѣльно. Прекрасный дубъ, видѣвшій столѣтія, привлекаетъ наше вниманіе съ нѣкоторымъ родомъ почтенія. Но естьли станемъ разбирать его въ частяхъ, первое понятіе объ немъ изгладится. Займемся разсматриваніемъ его листей, то наконецъ, теряясь мыслями среди тысячи подробностей, забудемъ совсѣмъ о величественномъ дубѣ. Такимъ-то образомъ новѣйшіе Стихотворцы, теряясь въ подробностяхъ, стараются всѣми силами сыскать въ частяхъ ту красоту, которая находится въ цѣломъ. Они похожи на Архитектора, который строитъ зданіе съ тѣмъ единственно, чтобы сдѣлать въ Готическомъ домѣ прекрасное окошко. И такъ, сколько можно, надобно стараться изображать вещи въ цѣломъ, не входя слишкомъ въ ихъ по-

дробности; иначе не льзя имѣть высокихъ и благородныхъ мыслей.

Правда подробности иногда льстятъ воображенію; но даютъ ли когда понятіе о величественномъ? Поразятъ ли онѣ столько духъ нашъ, какъ нѣкоторыя возвышенныя мѣста Священнаго Писанія? Мы читаемъ не съ такимъ возвышеніемъ души сочиненія свѣтскихъ писателей, какъ пророчества Исаіи, Іереміи и Псалмы Давида, которые отличаются высокостію мыслей. Но странный вкусъ, раскрашать мѣлочи, столько вкоренился, что, кажется, сдѣлался стихіею нашей жизни. И въ нравственности, и въ дѣлахъ жизни мы болѣе любимъ заниматься малостію. Сочинители нашихъ временъ, желая въ пять дней достигнуть славы, стараются склонить читателей, удивляться блестящей соломинкѣ.

Аналитическая Философія болѣе всего содѣйствовала сему вкусу. Умъ, привыкши всякое цѣлое раздѣлять на части, и въ изящныхъ наукахъ имѣлъ свое дѣйствіе. Стихотворцы забыли цѣль свою нравиться, плѣнять, трогать; начали учить тономъ Философіи. Они предпочли умныя мысли из-

обрѣтенію высокаго Эпическаго и чувствованію благороднаго. Но естьли не льзя ничѣмъ возвратить намъ вкуса древнихъ, естьли самый духъ и характеръ нашъ склонны къ подробностямъ: то Поэзія описательная весьма можетъ быть полезна намъ. Она весьма согласна съ нашимъ вѣкомъ и съ Философическимъ хладнокровіемъ. Разсыпая цвѣты на сочиненія наши, она прикрываетъ весьма много сухость мыслей и недостатокъ воображенія.

Гомеръ, Виргилій, Овидій имѣютъ много картинъ, которыя показываютъ ихъ описательную Поэзію; но они не соблюдали такой точности въ изображеніи предметовъ, какую мы видимъ въ сочиненіяхъ новѣйшихъ. Они болѣе старались о Эпическомъ. Самое то доказываетъ ихъ невеликое вниманіе къ предметамъ натуральнымъ, что они означали качества вещей весьма не прилично. Они не знали еще такъ хорошо природы, дѣйствія вещей, ихъ отношенія, какъ въ наши времена Хотя въ Поэзіи Эпической сіе не столько важно, но въ описательной сіе необходимо. Подробности вещи, описанныя съ пріятностію и точностію,

естьли не возвышаютъ духа, по крайней мѣрѣ нравятся. —

Свойство описательной Поэзіи состоитъ въ живописномъ искусствѣ. Безпорядокъ фантазіи здѣсь пріятнѣе, нежели правильность въ изображеніи. Самыя неправильныя отношенія, находящіяся между различными предметами, производятъ живописную картину. Чувствованіе живописнаго возрастаетъ при воззрѣніи на контрастъ въ природѣ. Прекрасная долина и дикая гора, вблизи стоящая, имѣютъ сильное дѣйствіе на душу. Изъ сего видно, что живописное происходитъ отъ представленія множества частей, а высокое и прекрасное отъ цѣлаго единаго. Древніе писатели видѣли въ природѣ однѣ великія дѣйствія, и потому представляли воображенію великое: новѣйшіе вошли въ подробность ея и изображали отношенія между частями живописно. Не надобно думать, чтобы живописная Поэзія не могла быть вмѣстѣ съ высокимъ и прекраснымъ. Восхожденіе солнца, плѣняющаго всю природу пламенемъ, есть картина величественная и прекрасная. Черное облако, радуга, прозрачный лѣтній дождь суть явленія живописныя.

Описать сіи предметы вмѣстѣ, есть соединить прекрасное, величественное съ живописнымъ. Виргилій имѣетъ примѣръ сего соединенія въ Буколикахъ и Георгикахъ.

Живописное происходитъ особливо для нашихъ чувствованій еще отъ тѣхъ отношеній, которыя предметъ имѣетъ съ нами. Естьли Стихотворецъ хочетъ плѣнить меня своею картиною: для него не довольно, чтобы она была прекрасною, надобно еще, чтобы она возбудила во мнѣ пріятное чувствованіе. Сіе чувствованіе тогда во мнѣ родится, естьли описываемый предметъ будетъ для меня интересенъ. — Потому-то тѣ сочиненія, въ которыхъ изображается предметъ отвратительный, какъ бы впрочемъ прекрасны ни были, не возбудятъ таковаго чувствованія пріятнаго никогда, каковое обыкновенно производятъ описанія прекрасныхъ явленій природы; самыя лучшія сравненія, взятыя отъ низкихъ вещей, произведутъ одинъ смѣхъ и отвращеніе. Таковъ примѣръ слѣдующій:

Юпитеръ сталъ на Альпы, харкнулъ.

Такимъ образомъ было бы смѣшно назвать Эола трубачемъ, вѣтры почталіонами его и прочая.

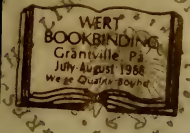
Все смѣшное въ живописномъ происходитъ отъ сравненія, или высокаго съ низкимъ, или низкаго съ высокимъ; все искусство состоитъ умѣть избирать отношенія въ описываемомъ предметѣ. Описательная Поэзія весьма часто подвержена бываетъ излишеству. Стихотворцы, желая въ точности изобразить предметъ, впадаютъ въ порокъ сей, забывая, что вниманіе развлекается излишнею подробностію и множествомъ предметовъ. Это тоже значилобы, когдабъ живописецъ, забывъ о пропорціи и красотѣ всей картины, старался хорошо изобразить ногти. Томсонъ при описаніи натуральныхъ картинъ во многихъ мѣстахъ подверженъ сему пороку. — Наконецъ Поэзія заключается въ стихахъ. — Сіе еще замѣтить можно потому, что проза, не расположенная стихами, останется прозою, между тѣмъ какъ хорошіе стихи и въ прозѣ будутъ показывать духъ Поэзіи. Отъ чегожь это? Все различіе происходитъ отъ отступленія. Поэзія всегда хочетъ возвыситься выше общей сферы понятія. Она все дѣ-

лаетъ наоборотъ. Гдѣ проза полагаетъ глаголъ дѣйствительный, тамъ въ стихахъ полагается страдательный. Въ прозѣ прилагательное кладется напереди, въ стихахъ ставится назади, или наоборотъ. Поэзія употребляетъ единственное за множественное, а множественное за единственное, отвлеченное за физическое, или физическое за отвлеченное; цѣлое за часть, или часть за цѣлое; собственное за нарицательное, или нарицательное за собственное. Сынъ Долинъ, сынъ Фингаловъ, ловитель быстротекущихъ еленей—обыкновенныя имена ея. У ней часы, непрестанно текущіе, разбуждаютъ Аврору; Аврора румянитъ Востокъ. Весь путь Поэзіи усыпанъ красотами. Она бѣжитъ—и въ быстромъ стремленіи своемъ касается излегка къ вещамъ, оставляя ихъ, какъ извѣстныя; украшается посторонними цвѣтами; тому даетъ жизнь, кто ее не имѣетъ; одно слишкомъ возвышаетъ, другое унижаетъ до крайности. Цѣль ея въ семъ та, чтобы отличиться отъ обыкновенной прозы.

КОНЕЦЪ.

C 268 3

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS